

АЛЕКСАНДР МАЗИН

Белый Клинок

Дракон Конга

Александр Мазин

Белый Клинок

«Автор»

2000

Мазин А. В.

Белый Клинок / А. В. Мазин — «Автор», 2000 — (Дракон Конга)

В джунглях Черного континента нескольких минут достаточно, чтобы из путника превратиться в пищу. Если этот человек – не маг. Но даже маг не может сравниться в искусстве выживания с Черными Охотниками Гибельного леса. «Белый клинок» – третья книга эпопеи «Дракон Конга».

© Мазин А. В., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Книга шестая	5
Книга седьмая	65
I	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Мазин

БЕЛЫЙ КЛИНОК

*Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!
Глотни, солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчем пыльный путь,
А завтра топчут нас!
Глотни, солдат, вкус у вина,
Всегда, солдат, хороши.
А кровь тем больше солоня,
Чем больше ее льешь.
Чтоб ты, солдат, приятней пах,
Ты пей, солдат, и пои!
А девки в южных городах —
Толпой, солдат, толпой!
У нас, солдат, Судьба одна.
Молись, солдат, Судьбе!
Чтоб фляга ввек была полна,
И руки – при тебе!
Придут другие времена,
А ты солдат – живой!
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат, домой!
Вино, солдат, – жена и брат:
Глотни – и ты согрет.
А дом, солдат...
Придешь, солдат,
А дома-то и нет.
Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!
Конгская песня*

Книга шестая

ЧЕРНЫЙ ОХОТНИК

«И было так: пало Небо на землю и обратилось Место Жизни в Место Гибели. Я видел, как изливался огненный дождь с окрыленных колесниц. Я видел, как падали они на землю огненным дождем. И канули в море дворцы, и обратились в золу тучные нивы. И горела кожа земли. Я видел, как рушились горы и вставали горы по слову Последнего Повелителя Махд-Шагош. Но и Он пал.

И я говорю так: прошли века и пройдут века. И настанет день, когда от Огня и Камня, в месте Жизни и Смерти возродится Он, исполненный гнева. И вновь поплывет по Небу Бури его огненная колесница-дракон. И падет Пламя на Камень, и взрастет на камне Семя

*Зла. И живые позавидуют мертвым. И одно лишь сможет умерить
Пламя Гибели: Живая Песнь, Чистая Кровь и Колыбель Грёз. Я, Глас
Истинного, говорю: так будет!»
Фахри Праведный Эдзамский. Я говорю!*

ЮГ. ГИБЕЛЬНЫЙ ЛЕС.

ГОД ТЫСЯЧА ОДИННАДЦАТЫЙ.

...Истока Зеленой реки, той, что на Побережье называют Проклятой, Тилод достиг к вечеру двадцать восьмого дня. Топь кончилась. Сменив живой островок на связанный лианами плот, Тилод отдался на волю неспешного течения. Он плыл по зеленой воде, разделившей бурлящее Жизнью и Смертью Вечное Лоно, страшный Гибельный лес. Он смотрел на разноцветье сплетающихся крон и знал, что скрывается за ними. Потому что он жил там, в этом страшном лесу. И звали его тогда не Тилодом—Зодчим из Фаранга, а Несмехом. Черным охотником Вечного Лона. Двадцать лет назад... Двадцать лет назад, когда он впервые увидел эту мутную теплую зеленую воду...

ЮГ. ГИБЕЛЬНЫЙ ЛЕС. ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ ГОД

ПО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЮ ИМПЕРИИ. ЗА ДВАДЦАТЬ

ЛЕТ ДО ПРИХОДА ОСВОБОДИТЕЛЯ.

Двадцатипятилетний Тилод стоял на корме, у флагштока, и, перевесившись через фальш-борт, смотрел с высоты тридцати локтей на жгут кильватерной струи, цветом напоминающий зеленый мрамор, что привозили в Фаранг с Межевых гор. Еще два месяца назад Тилод и предположить не мог такой перемены судьбы. Ведь он только что достиг предела своих мечтаний. Он, родившийся на земляном полу деревенской хижины, в четырнадцать лет потерявший родителей, не имевший ни влиятельных друзей, ни богатых родственников, стал самым молодым зодчим Фаранга! О большем Тилод не мечтал. Не хотел он большего, его вполне устраивало то, что есть. Но Судьба не спрашивает, хочет человек или не хочет. Потому, когда сорок восемь дней назад пересеклись пути сотника Бентана и зодчего Тилода, ни тот, ни другой не знали, что им уготовано Судьбой.

«Строенный меч»¹ Бентан, прибыл в Фаранг в конце месяца Увядания. Прибыл с двумя сотнями воинов и личным повелением Великого Ангана. Разместив на одном из кораблей фарангской эскадры, быстроходном трехмачтовике «Победитель», свой отряд, сотник с полуджиной солдат отправился глотнуть вина в самую чистую из ближайших харчевен.

Случилось так, что и Тилод, фарангский зодчий, заглянул туда же: осушить чашку охлажденного вина. И попался на глаза подвыпившему сотнику.

– Какой здоровяк! – Бентан толкнул плечом своего помощника.

Тот без интереса поглядел на толстощекого парня.

---

¹ «Строенный меч» – три соединенных меча – шеврон конгайского сотника. «Сдвоенный меч» – десятник.

– Мясо, – уронил равнодушно.

Но глаза сотника уже загорелись.

– Эй ты! – закричал он зычным голосом военачальника. – Ты, ты!

Из немногочисленных гостей таверны Тилод последним оглянулся на окрик.

– Поди сюда! – сотник призывно замахал рукой.

– Тебе надо – ты и подходи! – отозвался юноша.

К изумлению солдат, Бентан даже не рассердился.

– Нет, ты гляди, какая у него шея! – заорал он прямо в ухо отодвинувшемуся десятнику.

– Один хороший удар. – Десятник был старым воякой и знал цену шеям.

Сотник хлопнул ладонью по столу, оглядел своих солдат.

– Парень нам нужен! – тоном, не допускающим возражений, заявил он. – Такой богатырь!

Солдаты полностью разделяли мнение десятника, но знали: если сотнику в башку запала мысль, вышибить ее невозможно даже дубиной.

Сотник встал. Встал и сам (!) подошел к молодому зодчему. Обняв его (Тилод брезгливо отодвинулся – изо рта сотника воняло, как из пасти парда), Бентан, хитро улыбаясь, сказал:

– Два золотых «дракона» в неделю! – И подмигнул: ни один из его солдат не получал больше одного.

– Отойди! – сказал Тилод.

Деньги его не заинтересовали. Молодой зодчий, он имел втрое больше.

– Ты увидишь мир, парень! – зашел с другой стороны сотник.

Теперь он был убежден – фарангец нужен ему позарез!

Мир Тилода интересовал еще меньше. Ему вполне хватало родного города.

Он стряхнул с себя руку сотника и встал, намереваясь уйти. Бентан опять не рассердился. Он был в восторге от парня! И, само собой, не собирался его отпускать.

– Карман! – бросил он одному из солдат. – Ну-ка, останови его!

Карман, коренастый, темнокожий, ростом едва по плечо Тилоду, заступил зодчему дорогу.

– Притормози, паренек! – лениво произнес солдат. – Командир тебя не отпускал!

Юноша почувствовал раздражение.

– Что мне твой командир! – сердито сказал молодой фарангец и попытался оттолкнуть солдата.

Тот ловко схватил его за руку и заломил за спину. Карман был когда-то борцом, а зодчий – всего лишь деревенским парнем. Но иногда сила тоже имеет значение. Тилод распрямил завернутую за спину руку с такой легкостью, будто его держала девушка. Он стряхнул с себя Кармана, как бык стряхивает дикого пса, и зашагал к двери.

Все, кто был в таверне, притихли, ожидая развязки.

– Ну-ка, парни! Возьмите его! – закричал Бентан.

Он прямо-таки лучился от радости.

Пятеро солдат поднялись с мест. Но еще прежде отброшенный Тилодом Карман вскочил с пола и ударом под колено свалил Тилода. Вот тут зодчий по-настоящему рассвирепел. Он был увальнем, но, рассердившись, двигался достаточно быстро. Прежде чем солдаты обступили его, он снова оказался на ногах и разбросал их, как щенков. Бентан хохотал. Он ни на минуту не усомнился, что его подчиненные сладят с парнем.

Так и вышло. Получив удар рукоятью кинжала повыше уха, Тилод мешком повалился на грязные доски пола.

– Свяжите его, ребята, и тащите на корабль! – распорядился Бентан. – Да поласковой, хуруги! Из этого мяса я сделаю бойца!

Так зодчий Тилод стал воином-моряком по прозвищу Несмех.

А спустя сорок восемь дней «Победитель» с Тилодом на борту вошел в устье Проклятой и двинулся вверх по реке, вглубь Гибельного южного леса.

Все эти сорок восемь дней молодой фарангец жил словно бы во сне. Каждое утро ему казалось, что сон кончится и он проснется в спальне своего фарангского дома. Сознание Тилода словно раздвоилось. Он учился воинскому искусству, ел, спал, играл с солдатами в гурамскую игру хаг... Но большая часть его «я» онемела, как немеет перетянутая шнуром рука. Сказано: стал моряком-воином. Не совсем так. За сорок восемь дней не сделать воина из новобранца. Несмеха учили натягивать лук, рубить и колоть длинным конгским мечом, знать свое место на корабле – и только.

Тилод стоял на корме, а подгоняемый ветром и веслами «Победитель» полз по мутной зеленой воде между обмелевшими берегами, с которых сползала, выпирала, наваливалась на реку красно-желто-зеленая буйная плоть Юга. Три дня и две ночи в Гибельном лесу. И Тилод начал осознавать, что сон никогда не кончится и придется привыкать в нежеланной судьбе. Гибельный Лес. Оживший кошмар каждого конгая. Даже здесь, посреди широкой реки, Лес старался дотянуться до нежного человеческого мяса. Ночами омерзительные существа вскарабкивались по круглым бортам на палубу и гибли под мечами караульных. Днем крылатые твари, пятнистые южные урги с зубастыми челюстями в локоть длиной, норовили сцапать зазевавшегося моряка. Воины били их из арбалетов, и требовалось не меньше трех болтов², чтобы прикончить такого хищника.

И все-таки здесь, на палубе большого корабля, люди были в относительной безопасности. Но кто из воинов не просыпался по ночам от ужасных воплей? Кто не думал с трепетом о том, что когда-нибудь ему придется сойти на берег?

Так шли они три дня, сжигаемые палящими лучами солнца, сквозь душный, влажный, густой, как студень, воздух Юга, под нескончаемые вопли, стоны, уханье, рев Джунглей.

– О Добрая Богиня,
Пошли нам свежий ветер,
Попутный свежий ветер
Певцам соленых вод.
И пусть беда нас минет,
И пусть нам солнце светит,
И пусть родимый берег
Из синевы встает...–

пел за спиной Тилода младший кормчий, раскручивая штурвал.

Широкое русло отвернуло вправо, огибая невысокую, густо заросшую лесом гору.

Наверху, в «вороньем гнезде», пронзительно засвистел впередсмотрящий. Тилод поднял голову. Корабль, следуя руслу реки, завершил полукруг. Открылся западный склон горы – голый отвесный обрыв, источенный отверстиями тоннелей и разлинованный уступами террас. Пещерный город.

– Якорь! – скомандовал старшему кормчему капитан и вопросительно посмотрел на командира моряков-воинов.

Бентан напряженно изучал береговой обрыв. Город казался пустым. Ни одного человека ни на террасах, ни в темных отверстиях пещер. Не верил Бентан этой пустоте. Слухи, ходившие на Побережье про обитателей Города-на-Берегу (их еще называли Хозяевами Реки), заставили бы и беспечного держать руку на эфесе меча. В команде «Победителя» беспечных не было.

---

² Болт – арбалетная стрела.

Военный корабль глядел на берег тремя десятками баллист левого борта. Большой корабль с воинским отрядом почти в двести мечей. Не много ли – против каких-то дикарей?

Но во дворце Великого Ангана решили: народец, запросто расположившийся в Гибельном Лесу, может оказаться опасным. Владыка Конга не желал иметь на своей, пусть пока не освоенной, земле никаких независимых селений. Тем более что, по слухам, там были даже беглые ссыльные. В последнее, впрочем, мало кто верил: Гибельный Лес – надежный сторож.

– Спрыснуть их огненным зельем – полезут, как крысы! – возбужденно проговорил солдат, стоящий рядом с Несмехом.

Осторожничает сотник Бентан: подойдешь на расстояние залпа – и, кто знает, не получишь ли сам огненное приветствие? Что там, в этих пещерах? А корабль на реке – как на открытой ладони!

– Два десятка – к высадке! – отрывисто приказал «строенный меч».

– Две шлюпки – на воду! – эхом отозвался капитан.

Минута – и две шлюпки, гонимые слаженными ударами весел, понеслись к правому берегу. Гребцы ловко развернули их у нижних террас, высадили солдат и отошли на положенные двенадцать локтей, взмахами весел удерживая лодки на месте.

Шло время. Густая зеленая вода с шорохом терлась о борта стоящего на якоре «Победителя».

С правой стороны реки доносились обычные звуки полуденных джунглей.

Береговой Город безмолвствовал.

– Они нас ждали! – произнес старший кормчий, ни к кому не обращаясь.

– Нормально, моряк! – отозвался Бентан после небольшой паузы. – Разве мы таились?

– Лучше б им держаться вместе! – нахмурился старший кормчий, заметив: перед тем как войти в пещеры, солдаты разбились на четыре группы.

– Обычный порядок, – отвечал Бентан, думая о другом.

Он подошел к ограждению и посмотрел с высокого борта вниз, в мутную воду. Не то чтобы сотник опасался нападения оттуда. Водившиеся в реке твари у любого отбили бы охоту подобраться к кораблю вплавь. Но когда жизнь человека в течение десятка лет постоянно находится под угрозой, у него вырабатывается особое чутье на опасность. Сумел ли сотник разглядеть что-то в текущей воде? Неизвестно. Крохотная стрелка воткнулась ему в верхнюю губу, и Бентан мешком повис на ограждении, а потом, перевалившись через перила, с шумом плюхнулся в зеленую воду. И прежде чем его тело, увлекаемое тяжестью лат, исчезло в пучине, вокруг корабля – слева, справа, сзади, спереди – вскипела вода. Все происшедшее было полнейшей неожиданностью для конгаев. Десятки маленьких стальных крючьев впились в фальш-борт. Десятки смуглых стремительных тел выбросились из воды, будто вздернутые привязанными к крючьям тонкими канатами.

Часть солдат от неожиданности даже не успела взяться за оружие. Это на какое-то время сохранило им жизнь. Те же, кто успел выхватить меч или поднять арбалет, умерли сразу. Быстротой нападавшие были подобны демонам. Совершенно голые, вооруженные лишь короткими трубками в полтора локтя длиной, они щедро сеяли вокруг себя смерть – крохотные стрелки с ядом, убивавшим меньше, чем за мгновение. Нападавших было не больше трех десятков, но вся палуба, казалось, заполнилась мелькающими телами.

Несмех был среди тех, кто не сумел приготовиться к бою. Фарангец не успел бы взяться за меч, будь у него и вчетверо больше времени. Ошарашенный, Несмех пару мгновений тупо глядел перед собой, а потом смуглая рука мелькнула у его лица, твердое ударило в лоб, и свет дня погас.

Очнулся Несмех в полутемной душной пещере. Руки и ноги были умело связаны: пошевелить нельзя, но жилы не перетянуты. Голова побаливала. Но не там, куда пришелся удар. Пол

пещеры покрывал тонкий слой щекочущей ноздри пыли. Приподняв голову, Несмех увидел еще нескольких человек, связанных, лежащих на полу.

Следующий час Несмех провел, лежа ничком и пытаясь вытолкнуть языком деревянный кляп с дыркой, позволявший дышать, но мучительно растянувший челюсти. А потом в пещере на миг стало еще темнее и в нее вошли двое. Хозяева Реки.

Среднего роста, мускулистые, поджарые, они двигались плавно и быстро, с той грацией и точностью движений, какие отличают подкрадывающихся кошек. Несмеха освободили одним из первых. Узлы, связывающие юношу, были распутаны почти мгновенно. Пока один из туземцев сворачивал веревки, второй быстро и больно прошелся пальцами по телу Несмеха. А потом оба перешли к следующему конгаю. Боль от тычков твердых, как дерево, пальцев прошла быстро, а вместе с ней исчезли и боль в голове, и мучительное оцепенение от долгого лежания на камне.

Хозяева Реки развязали уже многих. Несмех сообразил, что победители оказались среди плененных врагов, без всякого прикрытия, не вооруженные. Это могло быть бесстрашием, беспечностью, полной уверенностью в себе или попросту провокацией. Но, несомненно, это было и вызовом для воинов, привыкших силой решать свои проблемы.

Несмех заметил, что один из уцелевших десятников украдкой обменялся тайными знаками со своими людьми. И солдаты, вставшие на ноги, чтобы размять затекшие тела, будто невзначай приблизились к распутывающим очередного пленника смуглокожим. Те, казалось, не замечали опасности.

Солдаты Конга отлично обучены. Шестеро набросились на двух туземцев практически одновременно. Нападавшие не издали ни звука и, безусловно, должны были обезвредить туземцев быстро и бесшумно, не привлекая внимания тех, кто, возможно, оставался снаружи. Да, никто – ни напавшие, ни Хозяева Реки – не издали ни звука. Больше того, туземцы даже не прервали своего занятия. Стремительное мелькание тел, десятков глухих ударов – и все шестеро конгаев валяются на полу, а туземцы, освободив очередного пленника, переходят к следующему. Будто ничего не произошло.

Такое впечатляет. Других попыток напасть на смуглокожих не было, и, освободив всех, Хозяева Реки вышли.

Теперь у конгаев появилась возможность изучить свою тюрьму. Низкая широкая пещера с единственным выходом – на изолированный карниз шириной около двух шагов и длиной чуть больше десяти. Под ним – обрыв, а тридцатью локтями ниже – река. Желаящих прыгнуть вниз не нашлось. Под поверхностью Проклятой обитала смерть. А что туземцы напали на корабль из воды – так на то они и Хозяева Реки. Но даже если бы беглецу и удалось благополучно выбраться на берег, там его уже поджидал Гибельный Лес. В джунглях, на илистом дне Проклятой... Так и так – смерть.

В пещере оказалось сорок шесть пленников. Все – воины. Большинство – из отрядов, высланных на разведку. Эти тоже не успели оказать сопротивление. Не успели даже понять, что произошло. Просто разведчикам вдруг стало трудно дышать, и при этом ими овладело странное веселье. Очнувшись уже в пещере. Наверняка без магии не обошлось. О судьбе остальных моряков-воинов и корабельной команды никто ничего не знал. Но предположения были самые мрачные. Впрочем, сейчас пленников больше занимала собственная судьба.

Вскоре стало ясно, что морить голодом их не собираются. Сверху на карниз спустили бочонок с пресной водой и еду. Пища был неизысканная: рыба и сырые плоды. Но зато – в достаточном количестве. Пленники поели. А через час сверху сбросили лестницу, и появившийся туземец знаком предложил всем подняться наверх.

Пленные выполнили просьбу-приказ и один за другим взобрались на широкую террасу двадцатью локтями выше. Здесь их встретили двенадцать Хозяев Реки. Они были очень похожи друг на друга: худые, с кожей, испещренной шрамами, обтягивающей мощные узлы мышц,

длинные черные волосы, собранные в пучок на затылке. Вся одежда этих людей состояла лишь из головных и набедренных повязок. Черты смуглых лиц напоминали конгайские, но кожа потемнее. И сами лица живей, подвижней. Когда Хозяева Реки общались друг с другом, выражения сменяли одно другое с огромной быстротой. Это был язык более полный, чем короткие реплики, которыми они обменивались.

Хозяева Реки выбрали из числа пленников девятерых, причем девятым оказался Несмех. Юноша удивился, когда туземец коснулся его груди указательным пальцем. Удивился потому, что восемь уже выбранных были, безусловно, лучшими из воинов.

Туземец был на поллоктя меньше ростом, чем Несмех, в полтора раза уже в плечах. Но юноша ни на мгновение не усомнился в том, что Хозяину Реки ничего не стоит вышибить из него дух. Худая, жилистая, похожая на лапу парда рука вряд ли слабее толстой мускулистой руки конгая.

Девятерым предложили подняться еще выше. На сей раз не по лестнице, а по веревке с узлами. Несмех, взобравшийся последним, имел возможность сравнить движения солдат с пластикой туземцев. Тела Хозяев Реки, казалось, сами взлетали вверх, как будто руки касались веревки только для вида.

Следующий карниз оказался еще шире. Вход же в пещеру – не грубо обработанная каменная арка, а что-то вроде украшенного резьбой портика. Девять конгаев вошли внутрь. Рядом с каждым беззвучно двигался выбравший его туземец.

Шли довольно долго. Свет, шедший снаружи, давно померк, но светились сами стены подземного коридора: тусклое сине-зеленое мерцание, вполне достаточное, чтобы различить, куда поставить ногу.

Коридор кончился. Пленники и их сопровождающие оказались перед занавесом из раскрашенных тростниковых стволов. Хозяева Реки остановились. Они ждали. Несмех мазнул пальцем по стене, и на коже остался сине-зеленый светящийся след.

Занавес раздвинулся. Перед пленниками открылся вход в подземный зал. Пещера оказалась обширной и высокой. Ее светящийся свод был на двадцать локтей выше головы Несмеха. Пол же плавно понижался к середине, и в самом его центре располагалась ровная, почти круглая площадка шагов десяти в поперечнике. Ее ограждал барьер, высотой по пояс Несмеху. Туземцы расступились, и пленники сошли вниз, к центру пещеры. Несмех почувствовал озноб. От волнения. А может быть, оттого, что в пещере было довольно прохладно. Не меньше сотни туземцев смотрели на них. Несмех ощутил их запах, не такой, как у конгаев, и довольно приятный. Так пахнет подогретое дерево. К пленникам подошел человек, значительно превосходящий ростом остальных туземцев. На плечи его была накинута широкая полоса ткани, концы которой опускались ниже набедренной повязки. Человек с лентой оглядел каждого из пленников. Особенно долго он изучал Несмеха. Юноша готов был поклясться: Хозяин Реки, несмотря на полумрак, видит его очень хорошо.

– Воины! – произнес высокий звонким властным голосом. – Готовы ли вы взять свою свободу? – Хозяин Реки говорил на конгаэне. Причем на северном диалекте, не похожем на скороговорку Сарбура³ или придыхающую речь Южнобережья...

– Готовы ли вы взять свою свободу?

Пленники молчали.

Хозяин Реки повторил в третий раз.

Тогда один из десятников осторожно спросил:

– Что должны мы сделать?

– Биться! – Хозяин Реки вновь оглядел всех девятерых. – Каждый из вас может биться с одним из тех, кто сегодня вступает на путь Соединения. Это – честь для них.

---

³ Сарбур – самый большой город Конга.

– С одним из... С одним из вас?

Высокий туземец сделал вид, что не заметил интонации вопроса.

– Вот они! – Он указал рукой на группу туземцев по другую сторону огражденной площадки. Их было девять. И за каждым, так же как и за каждым из пленников, стоял еще один человек. Из-за темноты никто из конгаев не мог толком разглядеть своих предполагаемых противников.

– Оружие? – спросил десятник.

– Их оружие – они сами. Вы можете взять свое.

Десятник, верзила с длинными толстыми руками, несколько оживился. До этого он рассматривал слова Хозяина Реки как предложение почетной смерти.

– Нельзя ли побольше света? – поинтересовался он.

– Света? – Просьба удивила высокого туземца. – Факелы?

Конгай кивнул.

Хозяин Реки отдал соответствующее приказание.

– Что еще? – спросил он.

– Пусть принесут мой меч! – сказал десятник. – И учти: мне нужен именно мой меч! Он...

– Тебе принесут твой меч! – перебил его предводитель. – Что еще?

– Что будет со мной, если я сумею победить? – спросил конгай.

Все девятеро пленников, затаив дыхание, ждали ответа.

– Ты получишь свободу! – спокойно сказал высокий туземец. И, после небольшой паузы. – Ты получишь полную свободу. Таковую, какой ты ее понимаешь. Мы проводим тебя – и любого, кто победит, – к берегу моря. И там отпустим. Ты согласен?

– Нужно быть дураком, чтобы отказаться, – буркнул десятник. – Меня устраивают условия. Они всех устраивают! Так? – Он обернулся к остальным.

Конгаи ответили дружным согласием. Промолчал один Несмех. Тогда фарангцу показалось: его молчания никто не заметил.

Принесли оружие. Каждому из конгаев вручили его собственный клинок. Четверо, пожелавшие получить кинжалы, получили и их. Солдаты, прицепив к поясам мечи, повеселели. Один Несмех продолжал держать оружие в руках.

Принесли факелы и установили вокруг огражденной площадки. Сразу посветлело. Теперь Несмех увидел лицо говорившего с ними Хозяина Реки. Старик. Но из тех, что до самой смерти сохраняют силу. И лицо его было ничуть не похоже на конгайское. Встреть Несмех такого в Фаранге, не задумываясь, сказал бы: подданный Империи, причем, почти наверняка – северной крови, хольдец или рус.

В свете факелов стали различимы и лица будущих противников. Вот тут и солдатам стало немного не по себе: их соперниками оказались мальчишки-подростки, не старше четырнадцати лет.

– Я могу убить своего противника... – сказал десятник. Полувопрос-полуутверждение.

– Проигравший умрет от своей руки или примет медленную смерть! – произнес седовласый туземец.

– О! – только и вымолвил десятник.

– Тот, кто покинет место чести, – продолжал Хозяин Реки, – также умрет медленной смертью! Ты понял?

– Да! – воскликнул десятник. Ему не надо было объяснять, что такое – медленная смерть. – Слава Туру! – воскликнул он и перемахнул через ограждение.

С другой стороны то же самое сделал отрок-туземец. В отличие от тяжело ударившего ногами в каменный пол воина, босые ноги мальчика коснулись опоры совершенно беззвучно.

Худенький, большеглазый и нежнолицый, он едва достигал макушкой подбородка конгая. Но глядел смело.

Десятник опять почувствовал подвох.

– Я не... – начал он, оборачиваясь к седовласому.

Маленькое смуглое тело взметнулось в воздух. Десятник еще успел как-то среагировать: обернуться, выхватить из ножен меч... Он был очень хорошим воином, этот десятник. Но враг его перевернулся в воздухе и с коротким яростным вскриком ударил снизу вверх твердой, как железо, пяткой.

Десятник умер через миг после того, как сломанные носовые кости разорвали оболочку его мозга. Но сердце воина ударило еще трижды. И рука с мечом, взлетев вверх, разрубила воздух лучшим из ударов, когда-либо нанесенных ею.

Восемь оставшихся конгаев одновременно выдохнули воздух. Никто из находившихся в зале Хозяев Реки не издал ни звука.

Юный победитель упал на руки одновременно со взмахом меча конгая и, перекувырнувшись, встал раньше, чем тело воина начало падать. Отрок поклонился всем, затем, отдельно, – седовласому и, даже не взглянув на поверженного им десятника, покинул площадку.

Несмех смотрел на Хозяев Реки, мужчин, женщин. Только что конгай про себя осуждал жестокость, с которой они, как полагал Несмех, обрекли на смерть собственных детей. Теперь же он осуждал их за то, что они обрекли на верную смерть его самого.

– Ты! – сказал седовласый второму десятнику.

Тот не шевельнулся. Стоявший за спиной десятника туземец легонько подтолкнул конгая рукой. Несмеху показалось, что десятник боится, но тот просто выжидал. Уступая убитому соратнику ростом и физической силой, он был более ловок, опытен и отлично владел оружием. Он медлил лишь для того, чтобы увидеть своего противника. И как только один из отроков сделал шаг к барьеру, десятник бросился вперед. Перемахнув через ограждение, воин оказался на площадке мгновением раньше, чем его юный противник. Когда же обутые в кожаные сандалиии ноги конгая коснулись камня, в правой руке его уже сверкал меч, а в левой – обоюдо-острый кинжал в локоть длиной.

Его соперник, худой длинный подросток, был почти такого же роста, что и десятник. Но, в отличие от защищенного шлемом с опущенным забралом, облаченного в стальную кирасу и наголенники солдата, на отроке была лишь набедренная повязка. И голые руки против меча и кинжала.

Близость отточенной стали к смуглой коже, обтягивающей ребра юного бойца, вызвала у Несмеха внутреннюю дрожь. Чтобы изгнать ее, конгаю пришлось напомнить себе об исходе первого поединка.

Десятник сделал пробный выпад мечом.

Его противник даже не потрудился уклониться.

Тогда конгай отступил на шаг и всем своим видом показал, что намерен лишь ждать атаки.

Несмеху казалось нелепым надеяться, что безоружный подросток кинется на вооруженного до зубов опытного воина.

Десятник ждал. И отрок заколебался. Он предпочел бы встретить атаку, а не начать ее.

Десятник выжидал.

Юный туземец быстро шагнул в сторону. Клинок в согнутой руке конгая последовал за ним. Отрок сделал еще один короткий шаг, потом качнулся вправо и, уловив движение меча, стремительным броском покрыл разделявшее их расстояние. Меч метнулся навстречу, и отрок, поймав плоскость клинка ладонью, отвел оружие от себя, вернее – себя от него. Уйдя вниз, он уклонился от удара кинжалом, зацепил ногой ногу десятника и рванул к себе. Десятник упал. Но, падая, ухитрился рассечь лоб противника шипом боевого браслета. Кровь залила глаза юного бойца, а десятник перекатился набок и ударил его мечом по ноге. Отрок не успел отдернуть ногу достаточно быстро. Стальное лезвие разрубило стопу. Рана была ужасна. Несмех

ждал, что юный воин упадет. Но тот не упал. Напротив, с такой силой ударил кулаком в забрало шлема своего врага, что сбил его с ног.

Не будь туземец ранен, второго десятника постигла бы участь первого. Но кровь ручьем лилась из ноги юного бойца, и он был не в состоянии нанести смертельный удар. К чести десятника, тот не стал ждать, пока противник окончательно потеряет силы. Лежа, он метнул кинжал. Отрок поймал его на лету, но воспользоваться оружием не успел. Почти одновременно с броском конгай привстал на колени и вонзил меч в левую подмышку отрока. Точно в сердце.

Тихий шелест прокатился по залу. Десятник встал, обтер клинок платком и опустил в ножны. Потом подошел к убитому, вынул у него из руки кинжал. Сделав это, десятник обернулся к седовласому.

– Ты свободен, – произнес тот лишенным эмоций голосом.

Конгай кивнул, перепрыгнул через ограждение и стал неподалеку от своих соратников.

Четверо туземцев подхватили тело убитого и унесли его так же, как перед этим – тело первого десятника.

– Ты! – седовласый указал на одного из конгаев.

Третий солдат, воодушевленный успехом предшественника, бодро перемахнул через ограждение. Но, в отличие от своего командира, он не стал ждать нападения, а сам набросился на своего юного противника, едва тот оказался внутри, за барьером.

Длинный меч со свистом рассек воздух, и... солдат свалился в беспомощности, получив точный и сокрушительный удар в нижнюю часть голени.

Подросток вопросительно взглянул на седовласого.

Тот стоял с каменным лицом.

Тогда отрок просто уселся на пол, скрестив ноги, и стал ждать. Спустя минуту солдат зашевелился. Подросток повернул к нему круглую голову с пучком черных волос на затылке. Он смотрел, как конгай садится, трет ладонью ногу, озирается по сторонам...

– Ты волен умереть от своей руки! – сказал седовласый.

Солдат засмеялся.

– Закончи уж! – сказал он и бросил свой меч отроку.

Тот поймал меч. Конгай сбросил шлем, похлопал себя по шее и снова засмеялся, вернее, захохотал, широко разевая рот.

Отрок метнул меч. Солдат продолжал хохотать. Он не уклонился, и широкий клинок вошел в разинутый рот, разом оборвав смех.

Четвертый, пятый, шестой, седьмой поединки неизменно заканчивались гибелью конгаев. Лишь одному из моряков-воинов удалось легко ранить своего противника. Другие не сумели даже прикоснуться к своим убийцам.

Несмех и представить себе не мог, что человеческое тело может стать столь совершенным оружием. Мальчики, подростки управлялись с опытнейшими конгайскими воинами за каких-нибудь несколько минут.

Несмех все еще держал в руке меч в ножнах, когда восьмой солдат вступил на площадку. С начала первого поединка прошло чуть больше получаса.

Восьмой конгай получил неожиданное преимущество. Босые ноги его соперника скользили в лужах крови, покрывших площадку. Его же собственные, подбитые акульей кожей сапоги – нет. Пользуясь этим, он теснил своего противника, мальчика, на вид не старше двенадцати лет. Тот уклонялся от ударов, отступал, не решаясь на те почти акробатические трюки, которые принесли победу его соплеменникам. Рослый конгай гонял его от одного бортика к другому, и, не будь на солдате тяжелых доспехов, стесняющих движения, воин, возможно, уже достал бы своего противника. Несколько раз отрок терял равновесие, но всегда успевал вскочить или перекатиться в сторону, прежде чем клинок касался его кожи. Туземец не получил ран, но был с ног до головы покрыт чужой кровью.

Он устал. На его счастье, конгай тоже устал. Время от времени противники останавливались и глядели друг на друга. Это был самый долгий поединок, дольше всех предыдущих, сложенных вместе. Конгай сделал очередной выпад. Но на сей раз юный туземец не отступил. Он неожиданно упал на пол и покатился под ноги воину. Конгай споткнулся о него и растянулся на каменном полу. Отрок мгновенно вскочил и прыгнул на поверженного врага. Удар его ног был направлен в просвет между кирасой и шлемом, но за миг до того, как он обрушился на шейные позвонки конгая, тот приподнял голову и дернулся вперед. И удар пришелся на защищенную кирасой спину. Воин извернулся и успел ухватить отрока за щиколотку. А ухватив, рывком подбросил вверх: тот ведь был совсем легкий. Юный туземец упал на спину, попытался второй ногой сбросить державшую его руку. Но конгай подставил браслет, проткнув туземцу подошву, вскинул меч для смертельного удара... Юный боец перестал сопротивляться. Клинок взлетел над ним, туземец испустил пронзительный крик... и меч выпал из руки конгая. Голова солдата откинулась назад, словно он получил удар в подбородок, глаза его закрылись, и он, отпустив ногу отрока, повалился набок.

Мальчик поднялся и, прихрамывая, подошел к седовласому. Седовласый шагнул вперед и, перегнувшись через барьер, обнял юного победителя.

Несмех был так поражен происшедшим, что не сразу заметил: что тишина в пещере сменилась гулом десятков голосов. Он забыл даже о собственной участи, о том, что остался единственным из девяти выбранных, и шансов у него никаких, с его-то умением владеть оружием.

Взгляд седовласого остановился на фарангце.

– Я должен сражаться? – спросил Несмех.

– Ты не хочешь?

– Не хочу! – проговорил юноша, стараясь придать голосу твердость.

Глаза седовласого, серые, пронзительные, казалось, заглядывали в глубочайшие из тайников его сознания, в такие сокровенные уголки, о которых и сам Несмех не мог даже догадываться. Юноша вдруг ощутил терпкий запах смолы, услышал потрескивание горящих факелов и тишину, воцарившуюся в зале. Тишину настолько плотную, что она казалась наполненной тысячами беззвучных голосов, таким множеством звуков.

Сильный голос седовласого ворвался в это безмолвие и разбил его, как форштевень корабля разбивает волны.

– Не сражайся! Но знай, что ты не вернешься в свою страну.

– Я – пленник, – согласился Несмех.

Он был готов и к худшему.

Седовласый улыбнулся. Это была пугающая улыбка. Он вновь вонзился взглядом в Несмеха, прошел его насквозь, и юноша понял: за словами Хозяина Реки стоит нечто большее, чем просто запрет на возвращение.

– Да, это так! – подтвердил седовласый, кивнул стоявшему за спиной Несмеха, и тот, взяв юношу за плечо, увел его из подземного зала.

Ночью Несмех проснулся от чужого присутствия. Он лежал в маленькой пещере, куда его отвели вчера. Две яркие звезды сияли там, где был выход. Звуки Гибельного Леса, приглушенные, приходили снаружи.

– Это он? – раздался совсем рядом с его головой голос седовласого.

– Да, – ответил другой мужчина, чьего голоса юноша прежде не слышал. – Да! – повторил он и добавил еще что-то, чего Несмех не понял, потому что не слишком хорошо знал хольдский, на котором говорили Хозяева Реки.

Твердая легкая ладонь коснулась лба юноши.

– Он не маг, – произнес незнакомец. В его голосе чувствовался скрытый ритм.

– Он не маг. И он не воин.

- Я – строитель! – сказал юноша.
- Пусть скажет, как он оказался на корабле, – предложил неизвестный.
- Меня не спросили, – буркнул Несмех. – Долго рассказывать...
- Мы послушаем, – произнес седовласый. – Говори.

Несмеху ничего не оставалось, кроме как выложить свою историю. Как его схватили в фарангской таверне. Как посадили на корабль и привезли на Юг. Не скрыл, что не представляет, зачем понадобился сотнику: среди ветеранов он был подобен рабочему парду, очутившемуся в стае кугурров. Его обучали, и он делал успехи потому, что был силен и ловок. И не глуп. Может, через год-другой, пройдя десяток стычек, Несмех и стал бы неплохим воином. Неплохим, но не отличным. Не было в нем настоящего запала, холодной ярости, которая только и делала конгского моряка-воина непобедимым. Все это Тилод-Несмех понимал. Понимали это и другие: сам сотник, командир его десятка. Но его уже внесли в списки, и до конца рейда Несмех должен был оставаться на корабле. Или умереть.

Несмех рассказал о том, как плыли они вверх по Проклятой...

– Зеленой! Называй ее Зеленой! – вмешался седовласый, и это был единственный раз, когда он перебил юношу.

Рассказ получился короче, чем ожидал Несмех. Теплая ладонь незнакомца оторвалась от лба фарангца. Двое негромко переговаривались. Юноша улавливал отдельные слова, но смысл разговора ускользал. Он мог только догадываться, что речь идет о нем. Несмех не испытывал страха. Хотя то, что он увидел вчера, говорило: Хозяева Реки без уважения относятся к жизням пришельцев. Несмех не боялся просто потому, что его воспитывали как мирного человека, а не воина. Собственная жизнь оставалась для него священной, и он привык ставить ее выше, чем жизнь других. Но защищать ее, как воин, Несмех не привык. По сути своей он так и остался деревенским парнем, с неторопливой речью, цепким вниманием и неистребимым дружелюбием к миру. Миру жестокому, и все же уступающему напору ума и хитрости. Медлительный в решениях, предпочитающий не делать ровно ничего, если не уверен в успехе, Несмех был упорен и предприимчив, словно гурамский пес-следопыт, когда решал добиться своего. В Фаранге эти качества принесли ему успех. И здесь, на Юге, в сердце Гибельного Леса, они, как ни странно, подарили ему жизнь, хотя сам Юг требовал от человека совершенно других свойств.

Двое закончили разговор. Юноша слышал, как они поднялись и пошли к выходу. Тень на миг заслонила белые огоньки звезд.

Хозяева ушли, но Несмех еще долго ворочался на жестком тростниковом ложе.

Прикосновение руки разбудило его. Несмеху казалось, что он уснул минуту назад, однако уже наступило утро. Широкий поток света вливался в пещеру. Рядом с юношей сидел на корточках смуглокожий большеглазый туземец. Когда Несмех посмотрел на него, туземец встал и жестом показал: поднимайся!

Несмех сбросил с себя тонкое одеяло, обмотал вокруг бедер повязку и собрался надеть остальное, но Хозяин Реки покачал головой, взял его за руку и повел к выходу из пещеры.

Карниза перед ней не было, но слева от отверстия висела веревка, по которой Несмех спускался вчера вечером. Цепляясь за ее узлы, юноша довольно неуклюже взобрался наверх. В это время туземец, вместо того чтобы воспользоваться веревкой, как ящерица, полез прямо по отвесной скале. Причем поднимался он куда быстрее, чем Несмех. Юноша не успел перевалить свое тело через край террасы, а Хозяин Реки уже стоял на ней, ожидая. Когда Несмех выпрямился, руки и ноги его дрожали. А у туземца даже не участилось дыхание. Терраса, на которую они поднялись, была локтей на двадцать выше пещеры, где ночевал Несмех. Они прошли по ней шагов сорок, миновав два входа в пещеры, и снова стали подниматься. Но, к радости конгая, – по веревочной лестнице. На сей раз и туземец не пренебрег ею.

Лестница вела на вершину обрыва. Преодолев еще три террасы, они достигли длинного углубления, протянувшегося вдоль всего обрыва. Над углублением нависал карниз шириной в пару шагов. Следы инструмента на камне сообщили молодому зодчему, что углубление – дело человеческих рук.

Несмех ожидал увидеть наверху джунгли, но очутился между двумя каменными стенами высотой в полтора человеческого роста. Это был коридор, частью сложенный из плит, частью – вырубленный в мягкой породе. Хозяин Реки двинулся вперед, знаком приказав Несмеху следовать за собой. Солнце стояло невысоко, и тень от восточной стены укрывала их от палящих лучей. Коридор был не шире двух шагов. Кое-где стены расступались, образуя проходы. Однажды Несмех увидел часового, неподвижным изваянием застывшего наверху. На спине часового висели меч в ножнах и очень короткий лук, а смотрел он туда, где, по предположению Несмеха, был Гибельный Лес.

Так шли они минут пять, время от времени сворачивая, пока Несмех не услышал журчание воды. Следующий короткий коридор вывел их к огражденной площадке шагов десять шириной и сорок – длиной. Из-под дальней стены струился поток чистой прозрачной воды. Заполняя проточный бассейн посередине площадки, вода уходила через круглый сток.

Сопровождающий велел пленнику ждать и удалился.

Несмех подошел поближе к бассейну. На дне его с непонятной целью были уложены ряды камней. Верхушки их были или чуть выше, или чуть ниже уровня воды, а промежутки составляли от двух до шести локтей. Несмех опустил руку в поток. Вода оказалась прохладной, но не холодной. Юноша подумал немного, а потом влез в воду и, упершись ногами в одну из глыб, позволил потоку смыть с себя грязь.

– Оу, человек! – раздался рядом женский голос.

Несмех поспешно выбрался из воды. Пред ним стояла девушка с ребенком на руках. Ребенок, совершенно голый мальчуган, лет двух от роду, висел на ней, зацепившись рукой и ножками, и, грызя кулачок, внимательно изучал Несмеха.

– Иди, поплавай! – сказала девушка, не без усилия оторвала ребенка от себя и, к ужасу конгая, швырнула в воду.

Пролетев пять шагов, малыш плюхнулся в поток, который подхватил его и понес прямо к отверстию стока, в полтора раза более широкому, чем тельце ребенка. Несмех метнулся к воде, сообразил, что не успеет, и замер. Тут ребенок вынырнул на поверхность и заработал руками и ногами с ловкостью и быстротой лягушки.

Как зачарованный, наблюдал Несмех за малышом, преодолевшим силу течения и вскарабкавшимся на один из камней.

– Плавать! Плавать! – повелительно закричала девушка, и малышу пришлось слезть в воду.

Обернувшись к Несмеху, она окинула его оценивающим взглядом.

– Меня зовут Эйрис! – сказала она. – Зови меня так. А я буду звать тебя – Большой!

– Мое имя – Тилод! – заметил Несмех.

– Большой! – Девушка поджала губы. Она была гибкая и мускулистая, с худыми сильными руками и длинными ногами, такими же худыми и сильными. Узкие бедра и маленькая грудь обернуты светло-желтой материей. Ее тело походило на тело юноши-бегуна, но голова, гордо сидящая на длинной шее, явно принадлежала женщине, и женщине красивой. Лицо ее мало походило на лица конгаек. Огромные синие глаза, обрамленные густыми ресницами, не нуждались в краске. И никаких следов грима на коже. Волосы цвета дневного солнца, заплетенные в толстую косу, спускались до набедренной повязки. Брови светлыми арками выделялись на смуглом лице.

– Отец велел мне заняться тобой, Большой! – проговорила она, и Несмех уловил в ее голосе недовольство.

Отец? О! Она определенно похожа на седовласого!

Девушка быстро подняла руку и сжала бицепс конгая. Пальцы твердые, как черное хуридское дерево. Несмеху стало больно, он стерпел и не стал вырываться.

– Оу! – презрительно пробормотала она. – Плоть съела твою силу! – Ее конгаэн был не похож на конгаэн отца. И вообще не походил ни на один из известных Несмеху диалектов. Но голос очаровал фарангца настолько, что он не почувствовал обиды от сказанного. Светловолосяя нравилась Несмеху. Так нравилась, что он мог лишь стоять и глупо ухмыляться.

Девушка отпустила руку конгая и... вдруг ткнула ему в глаза растопыренными пальцами. Несмех инстинктивно отшатнулся.

– Две! – сказала девушка.

– Что – две? – все еще ухмыляясь, спросил Несмех.

– Ровно две минуты ты проживешь там! – кивок в сторону джунглей.

– Так долго? – пошутил фарангец.

– Ты – большой! – ответила Эйрис совершенно серьезно. – Вечному Лону понадобится время, чтобы понять: ты просто еда! Ребенок Берегового Народа сильнее тебя!

– Я в этом убедился вчера, наблюдая ваших маленьких убийц!

Лицо девушки исказила гримаса.

– Ты не понимаешь, что говоришь! Убивать людей – отвратительно!

– Зачем же вы учите этому своих детей? – удивился Несмех.

– Мы не учим!

– Но вчера...

– Те, кто приплыл с тобой на корабле, сами были убийцами!

– Не все. И какое это имеет значение?

– Человек-убийца подобен хорахшу⁴. Лучше, когда он мертв!

– Но зачем делать из этого зрелище?

– Спроси моего отца! Кто хочет испытать себя – испытывает! Тебе не понять наши обычаи, человек!

– Да уж! – согласился Несмех, покосившись на ребенка, все это время отчаянно боровшегося с течением.

– Повернись ко мне спиной! – велела девушка.

– Да, Эйрис! – Несмех впервые назвал ее по имени и получил от этого удовольствие.

Пальцы девушки прошли по его позвоночнику. На сей раз достаточно легко.

– Дай мне руку! – Она помяла широкую ладонь юноши, пощупала пульс. – Сила у тебя есть! – констатировала она. – Что ты делал там, на Севере?

– Строил дома!

– Дома? Оу! Жилища! Полезная работа! Идем!

Эйрис свистнула. Малыш подплыл к краю бассейна и попытался взобраться наверх. Но борт был для него слишком высок. Эйрис наклонилась, подхватила его, и ребенок, вскарабкавшись на нее, как на дерево, цепко обвил девушку руками и ногами. Та похлопала малыша по спине и вышла в один из коридоров. Несмех отправился следом. Коса девушки слегка раскачивалась при ходьбе, а походка была плавной и очень быстрой. Несмеху пришлось поторопиться, чтобы не отстать, хотя он шел налегке и был выше ростом.

Спустя несколько минут Эйрис вывела его из каменного лабиринта на вершину горы. Перед ним лежала широкая полоса очищенной от растительности земли, за которой поднималась высокая пестрая стена джунглей.

---

⁴ Хорахш – хищный динозавр, обитающий на юге Черного материка. Самый крупный из наземных хищников Мира и один из самых опасных охотников в Гибельном лесу.

На освобожденной от деревьев полосе кипела работа. Не меньше трех дюжин молодых туземцев занимались достройкой лабиринта. Большинство из них откалывало от скального выступа каменные блоки, человек пять носили добытые камни к строящимся стенам, остальные подгоняли плиты по месту, укладывая их так, чтобы не оставалось щелей. Никакой скрепляющий раствор не использовался. Опытный глаз Несмеха сразу отметил умелую расстановку людей и сноровку, с которой они работали. Особенно ему понравились те, кто откалывал каменные блоки. На фарангских каменоломнях никто не трудился и вполтину так споро, как последний из туземных каменщиков; правда, здешняя порода была помягче и легче поддавалась напору инструментов.

Несколько минут Эйрис не мешала Несмеху наблюдать, но потом, показав на одного из носивших блоки, сказала конгая:

– Вот твое место! Рядом с ним, а потом – вместо него!

Несмех хотел сказать, что он способен на большее, чем переноска камней, но вовремя вспомнил, что он – пленник. Вспомнил и смолчал. Поглядев в сторону Леса, он заметил цепочку вооруженных туземцев. Они сидели на корточках шагах в сорока от работающих, и тела их почти сливались с неровностями рельефа.

– Ты готов? – спросила Эйрис.

Несмех кивнул и пошел к рубившим камень.

Шероховатая глыба не показалась ему тяжелой. Бегом, как и остальные, Несмех отнес ее к стене и так же бегом вернулся за новой ношей.

Полчаса он трудился без передышки. Туземец, к которому его направила Эйрис, счел конгая достойной заменой и, взяв инструмент, присоединился к каменотесам. Но прошло еще полчаса – и энтузиазм Несмеха пошел на убыль. Выбранный ритм оказался слишком быстрым. Достигшее зенита солнце палило нещадно. А ведь шел второй, самый холодный, месяц зимнего сезона.

Ноги Несмеха стали ватными. Он начал спотыкаться. Он уже не бегал, а плелся, шатаясь, прижимая к груди горячие камни.

Эйрис, не спуская с него глаз, окликнула юношу, но Несмех не слышал. Уши его наполнял ровный тупой гул, на который накладывались толчки от ударов крови в затылке.

Эйрис быстро подошла к нему, отобрала очередную глыбу и почти силой отвела в тень. Здесь в глазах Несмеха немного прояснились.

– Отдых? – спросил он с облегчением.

– Для тебя! – заявила девушка без тени сочувствия. Ребенок перебравшийся ей на плечи, взирал на Несмеха, прищулив один глаз.

И тут Несмех увидел совсем рядом большой кувшин и привязанную к его ручке глиняную чашку. Он судорожно сглотнул густую слюну, сделал шаг и быстро зачерпнул чашкой воду. Юноша поднес тяжелую чашку к губам, он уже ощущал, как вода омывает его пересохшее горло...

Эйрис быстрым движением выхватила у него чашку и выплеснула ее содержимое на голову Несмеха. Тот ошеломленно уставился на девушку. Вода приятно холодящими ручейками текла по его лицу.

– Один глоток! – сказала Эйрис твердо. – Вот все, что твое!

И, зачерпнув ладонью воду, она поднесла ее к губам юноши. Ровно один глоток. Но Несмех не поменял бы его на целый кувшин ледяной влаги.

Потом, развязав кусок ткани, прикрывающий ее грудь, девушка смочила его водой и, заставив Несмеха наклониться, обмотала его голову мокрой повязкой. Скептически оглядев конгая, она потрогала жилку, пульсирующую на его шее, а потом звонко хлопнула Несмеха по широкой, мокрой от пота спине:

– Иди, трудись!

* * *

Спустя шесть дней Несмех и молодой туземец Чок лежали на камнях в тени недостроенной стены. Чок, коричневоглазый, гибкий, как кот, юноша шестнадцати лет от роду, работал каменотесом в паре с Несмехом. Он неплохо говорил на конгаэне и ничего не имел против того, чтобы перекинуться с Несмехом парой фраз.

– Знаешь, Чок, – проговорил Несмех. – Первые три дня я думал, что не выдержу: упаду и умру! А сегодня я впервые работал и видел, что происходит вокруг.

– Могу тебя понять! – отозвался Чок, катая между ладонями мраморный шарик. – Эйрис – лучшая из тех, кто учит недавнорожденных власти над Четырьмя. Но жалости в ней нет. Все же под ее оком с грани ты не сойдешь. Хотя недавнорожденным легче, чем тебе.

– Недавнорожденным?

– Детям. Младенцам.

– Но я – не ребенок!

– Ты хуже ребенка! Не обижайся! Из твердого дерева трудно резать стрелу. Сначала ей надо придать форму, а уж потом сделать твердой. Но ты справишься, иначе Натро не оставил бы тебя с нами, с Народом. Должно быть, воля Повелителя Судеб – над тобой! Мы не оставляем чужих!

– Что же вы делаете с ними? – скрывая волнение спросил Несмех. – Что стало с моряками, плывшими со мной? Их убили?

– Их отдали Лону! – Гладкая кожа на лбу Чока собралась в вертикальную складку над переносицей. – Да, так! Иначе они привели бы сюда много кораблей. И много жизней пришлось бы отнять. Да. Лоно принимает всех!

– Но они рассказали бы о вашей силе! – пылко воскликнул Несмех. – Никто не рискнул бы напасть на вас!

– Ты прожил так много, а говоришь как дитя! – возразил молодой Хозяин Реки. – Сила хороша внутри. Сделай ее видимой – и она притянет другую силу: как падаль притягивает ургов⁵! Нет корабля – нет вестей – нет действия! Лоно принимает все!

– А тот, что победил в бою? – спросил Несмех. – Ему обещали свободу! Он тоже мертв? Чок нахмурился, но потом лицо его снова стало невозмутимым.

– Прощаю тебя! – сказал он. – Ты думаешь как дитя и не хотел оскорбить. Он получил свою свободу. После того, как племя получило его плоть.

– Не понял тебя! Плоть?

– Слепой, победивший зрячего, – необыкновенен! Так сказал Благородный Учитель. Плоть его должна стать частью нашего народа. Говорят, прежде такое случалось часто. Теперь – нет.

– Все же я не понял тебя! – признался Несмех. – Как это – взять плоть? Съесть, что ли? Чок засмеялся.

– Ты и впрямь – как дитя! – проговорил он. – Съесть! Одна из женщин Народа была с ним – вот и все. Одна из наших женщин. Теперь твой приятель – тоже часть Народа. Хотя сейчас он уже вернулся к берегу Соленых Вод. Вернулся, но будет молчать. Все ли я сказал?

Несмех кивнул. Некоторое время они отдыхали молча. Потом конгай спросил:

– Чок! Четверо, о которых ты говоришь, кто это?

– Оу! Ты задал важный вопрос. Четверо породили Вечное Лоно. Слушай меня: вот они – Твердь, Струя, Ветер и Пламя! Овладей Четырьмя – и Вечное Лоно не сможет тебя взять. Так говорил Благородный Учитель. Но – хватит! Ты – дитя умом. А дитя получает лучшего

---

⁵ Ург – летающий ящер.

из учителей. Первый шаг – важнейший. Тебе повезло, что Эйрис согласилась учить тебя. Над тобой ее око, и я больше ничего не скажу. Я – трава у ее ног!

– Ты так чтишь эту девушку?

Чок шевельнул губами, собираясь что-то сказать, но передумал и просто кивнул. А потом вдруг оказался на ногах.

Тень его упала на спину Несмеха, когда он одним прыжком взлетел на стену. Несмех повернул голову, но Чока наверху уже не было.

Солнце садилось.

Этот короткий разговор изменил отношение фарангского юноши к тому, что происходило с ним. До этих пор Несмех полагал, что Береговому Народу он нужен лишь как еще одна пара рабочих рук.

На следующий день он совершенно по-новому взглянул на Эйрис.

– Если ты приходишь, чтобы проводить меня, – сказал он, «набрасывая первое кольцо», как говорили в Фаранге, – то не трать времени. Я выучил дорогу!

Несмех рассчитывал, что девушка что-то ответит, но та просто уступила место впереди. Молча.

Несмех шел уверенно. Уже на второй день он составил схему поворотов. Он был строителем, а потому мог представить здание по грубому рисунку или даже по колонкам чисел.

Сейчас же он попросту «видел» их путь.

Когда они пришли, Эйрис произнесла свое обычное:

– Иди, трудись! – но по ее тону Несмех понял, что память его оценена и одобрена.

В этот день произошло еще одно событие. Несмех увидел, как действует их «охрана». И понял, кстати, почему не замечал этого раньше. Его взгляд упал на часового мгновением раньше, чем тот заметил опасность. За миг до этого туземец сидел на корточках, и короткий лук висел за его спиной. А теперь он уже стоял и провожал взглядом пущенную в гущу листвы стрелу. Несмех не видел, в кого или во что попала стрела и попала ли. Но туземец – видел. И, удовлетворенный, снова опустился на корточки и застыл.

Все это заняло не больше времени, чем потребовалось сердцу Несмеха, чтобы ударить трижды.

Вечером того же дня Несмех спросил Эйрис о власти над Четырьмя.

– Кто сказал тебе об этом? – В голосе девушки зазвенела тетива.

– Чок! – признался Несмех, почти испуганный ее тоном.

– Что еще сказал Чок?

– Пламя, земля, вода и ветер! – ответил Несмех. – Вот Четверо, породившие Вечное Лоно! Признаюсь, я мало что понял из этого. А больше он ничего не сказал. Добавил только, что чтит тебя и считает, что ты одна должна отвечать на мои вопросы. Прости его, Эйрис, если он сказал лишнее! Он еще юн!

– Юные умирают чаще, – пробормотала Эйрис.

Несмех видел, что она задумалась. И ждал.

– Воля Направляющего Судьбы! – наконец сказала она. – Этой ночью я приду к тебе!

Несмех окинул ее взглядом – от светлой макушки до маленьких босых ног – и понял, что девушка желанна ему. Больше, чем желанна.

Невольно Несмех коснулся лоскута ткани, обертывающего его голову, а потом посмотрел на того же цвета лоскут, прикрывающий маленькие груди.

Голубые глаза Эйрис потемнели и сузились: она угадала его мысли. Но миг спустя на ее губах появилась усмешка. Она взмахнула рукой, так быстро, что Несмех не успел заметить движения, и резко ударила его ладонью. Не больно, но в глазах у юноши потемнело, а когда способность видеть вернулась, Эйрис исчезла.

Как бы там ни было, но если Эйрис сказала, что придет,— значит, придет. Несмех не сомневался в этом и решил, что не сомкнет глаз, ожидая ее прихода. Однако ж едва он вытянулся на своем узком жестком ложе, усталость взяла свое. Веки его отяжелели. Он сам не заметил, как закрыл глаза и провалился в сон.

– Большой! Оу! Большой!

Несмех с трудом выбирался из сновидений. Волны моря Зур еще раскачивали его лодку. Обеими руками он цеплялся за скользкие борта. Соленая вода текла по его груди и спине...

Он действительно был мокрым. От пота. Во рту пересохло, и сердце яростно колотилось в груди...

– Большой! Оу! – пропел голос, возникающий из темноты.

Несмех хотел поднять руку, но рука не повиновалась. Не только рука – юноша не мог повернуть голову, не мог даже – закрыть глаза, хотя не видел ровно ничего.

Крохотный желтый шарик вспыхнул на расстоянии локтя от его лица. Маленький, не больше виноградины шарик в воздухе, и света его хватало лишь на то, чтобы Несмех видел верхнюю часть лица Эйрис: лоб, глаза, прямую, почти от бровей, линию носа.

– Не шевелись, Большой! Не шевелись! Только – слушай!

И замолчала.

Сначала Несмех не понял, о чем говорит девушка. Но минуту спустя сообразил, что слышит великое множество звуков, остававшихся до сей поры незаметными. Самым громким было собственное дыхание, затем – удары сердца и движение крови внутри тела. Затем – звуки тела: похрипывание, бульканье, свист, скрипы, шорохи... Слышал он и дыхание Эйрис, удары ее сердца, совсем тихие. Слышал звуки джунглей, Вечного Лона, мириады звуков, совершенно отчетливых, объемных, словно все они рождались здесь, в пещере. Но при этом он мог почти точно определить расстояние до каждого из них. Еще был плеск и шорох речной воды, сотней локтей ниже пола его пещеры. И потрескивание остывающих камней. И шепот лапок бегущей по стене ящерицы. Он слышал бормотание подземного ключа неподалеку и царапанье песчинок, влекомых водой, стачивающей мягкий минерал. Целую вечность слушал Несмех. Юноша понимал окружающее так ясно, как будто глядел на мир сверху в солнечный полдень. И он сразу заметил, как из тысячи звуков выделился Голос. Умом юноша мог предположить, что Голос принадлежит Эйрис, но большей своей частью Голос принадлежал самому миру звуков, единому, как воздух. Голос рождался в этом мире, и слова, в которые он облакался, не были словами Эйрис.

– Четыре основы у Познаваемого, Большой,— пришло из темноты.— Твердь. Струя. Ветер. Пламя. Все исходит от них. Все приходит к ним. Четырежды сочетаются они, образуя Вечное Лоно: Твердь – с Пламенем, Пламя – с Ветром, Ветер – с Поток, а Поток – с Твердью. Так завершается Круг.

Рожденный подобен одному из Четырех. Один из Четырех преобладает в нем. Ты, рожденный, ты – Твердь. Твердь от Тверди. Я, бодрствующая во тьме,— Пламя. Одно лишь Вечное Лоно включает все. Но властвующий над Четырьмя – сильнее Вечного Лона! Властвующий – от закона Девяти, созданного Направляющим Судьбы для прозревших малое. Властвующим был Благородный Учитель! Немногие – рядом с ним. Из живущих – Натро, Слушающий, Кион-Сторож.

Ты, Большой,— Твердь. И разум твой – камень. Твой рок – познать суть свою, чтобы утвердиться. Тогда я, пламя, дам тебе силу, чтобы распасться и воспарить. Я порождаю в тебе вождение и обрекаю на боль. Я сотрясаю тебя изнутри и выжигаю нечистое, чтоб стал ты,

черный камень, тем, что сияет изнутри и режет бивень хармшарка⁶. Я поведу тебя путем твоей сути потому, что ты – мой! Страшись!

Огонек погас. Несмех услышал шаги, подобные грому, а потом тьма рассеялась, и наступило утро.

Харрок

«Он был подобен мягкому береговому камню, иноземец. Огонь Солнца изгнал лишнее из его тела и ума, и онпил Знание, как сухая земля пьет воду дождя. Там, где крошка ребенок из Народа послушно следовал каждому прикосновению, он стоял, как стена из гладких камней, или катился, как сорвавшийся с кручи валун – без пути и без удержу. Он был труднейшим из тех, кого я обращала на Путь. И он радовал мое сердце: истинный вызов – благословение богов! Так говорил Благородный Учитель, чья неизменная чистая кровь течет в моих жилах. Так учил меня тот, кто дал мне тайное имя – Харрок, Возжигающая Камень. Он был мой, этот чужеземец, и я полюбила его так, чтобы умереть за него. Или убить его, если совершит недостойное.

Он, камень, сразу принял жизнь камня и его движение. Резец его отсекал лишнее, бурав пронзал слабое, хотя зеленые глаза блуждали, как опьяневшие от весны головки цветов пурпурницы.

Я поймала ниточку его сути, но ум его был как расстроенная ситра: говорил, когда следовало слушать, и молчал, когда следовало говорить. Его прошлое не давало ему правильно поставить ногу. Мне хотелось убить его память! Он был таким тяжелым! И таким наивным, что даже сила Страх не могла разбудить его. Его можно было убить – он бы не испугался! Я ставила его на край пропасти, как ставила моих мальчишек: чтоб смотрели и преодолевали себя. Ему нечего было преодолевать: он не боялся. Толкни я – он, не сопротивляясь, полетел бы вниз и разбился. Он был слаб так же, как и упрям. Я, Харрок, знаю: заглянуть вниз важнее, чем не упасть. Но не для него! Он был истинной Твердью, иноземец! И он был, уже был соединением тех руд, тех металлов, из которых куется меч. Я лишь убрала лишнее, отточила его и закалила своей кровью. Потому что не было иного пути, чтобы из куска Пищи для Вечного Лона сделать Черного охотника, Прозревающего Малое. За неполные два года...»

Несмех плечом коснулся горячего, нагретого солнцем плеча Эйрис. Пожалуй, ее мускулы все еще были тверже его собственных. Он не смог бы держать на ладони обломок скалы в четверть собственного веса так, как это делала сейчас Эйрис. И рука ее не дрожала.

– Ты видишь слабую линию камня? – спросила она.

Вместо ответа Несмех провел пальцем по неровной поверхности обломка.

– Ты мог бы расколоть его?

– Конечно! погоди, я возьму молоток!

– Стой! Зачем тебе молоток? Сделай это рукой, Большой!

– Я ушибу ее! – возразил Несмех.

Камень взлетел в воздух. Взмах ладони Эйрис – и две половинки упали на землю.

– Совсем просто! – сказала девушка.

Несмех взял ее руку и провел пальцем по жесткому ребру ладони.

– Когда у меня будет такая рука – я тоже обойдусь без молотка!

– У тебя никогда не будет такой руки! – отрезала девушка. – Даже если ты три сезона будешь рубить ладонями дерево и сырой песок. У тебя нет времени, которое есть у наших детей. Ты его упустил. Ты уже никогда не сможешь пробить пальцами ствол Черной Эвенны.

---

⁶ Кость рога северной акулы хармшарка поддается только алмазу.

Но тот камень ты мог бы разбить! Мог бы! Ты же чувствуешь, куда нанести удар? Попробуй! Не бойся разбить руку – я залечу ее! Попробуй! – Она смотрела на него блестящими, синими, как низинная трава, глазами, и в груди у Несмеха стало горячо.

– Хорошо! – сказал он.

«Ради тебя я могу разбить не только руку!» – добавил он мысленно.

Эйрис подняла с земли плоскую плиту шириной в две ладони. Держа камень с двух сторон, она подняла его на уровень груди Несмеха:

– Бей со всей быстротой! Найди слабое место – и бей! – велела она.

Несмех провел рукой по поверхности камня и легко отыскал скрытую внутри трещину. Отступив на шаг, он поднял сжатый кулак и резко ударил по плите.

Его рука даже не ощутила сопротивления, но камень раскололся именно там, куда был нанесен удар.

– А ты права! – с удивлением произнес Несмех.

Да, его удар был именно таким, как требовалось. Не веря, что разобьет камень, он готов разбить руку!

«Суть его – тверже камня!» – подумала Эйрис.

Но и она не заметила важнейшей из перемен, происшедшей в сознании Несмеха, когда его кулак расколол хрупкий обломок. Мгновением раньше он был уверен, что не сможет сделать то, что приказывала девушка. Но он сделал это, и сделал с легкостью. И потому наконец уверился в ней. Уверился полностью, настолько же, насколько прежде сомневался в каждом ее слове. Из слушателя Несмех превратился в Ученика. А поскольку он был взрослым, а не ребенком, суть этого превращения была наивысшей глубины.

Прошло еще несколько дней. Теперь Эйрис не отходила от него ни на шаг и бдительно, почти ревниво следила за тем, чтобы он не общался ни с кем из Берегового Народа, кроме нее самой. В конце концов и Несмех перестал искать себе новых друзей. Тем более, что общество Эйрис было единственным, которого он по-настоящему желал.

«Он постиг суть тверди!» – думала Эйрис, наблюдая, как карабкается вверх по скале ее ученик. «Пусть пятилетняя девочка делает это лучше, чем он, но ведь никто прежде не овладевал искусством столь быстро!»

Несмех преодолел уже сотню локтей. Глаза его были завязаны: так тело лучше понимало скалу: голый, без единой травинки, камень берегового обрыва. Мокрой от пота спиной юноша ощущал взгляд Эйрис. И этот взгляд придавал ему дополнительную опору. Взгляд Эйрис – и сама скала. У Несмеха не было крепости пальцев Хозяина Реки, но зато имелось особое чутье. Руки и ноги не искали опору – опора сама находила их. Тело его дрожало от напряжения, но локоть за локтем он карабкался вверх, осознавая и разверзшуюся под ним пустоту – вплоть до омываемой водой подошвы горы, – и тяжелый нависающий карниз на самом верху. Карниз ему не преодолеть. Но этого и не требуется – довольно достичь верхней террасы.

Несмех поднимался на пределе собственных сил, и любая ошибка привела бы к падению. Народ Эйрис никогда не прибегал к страховочным тросам: кто упал – тот упал. Однако Несмех не мог сделать неверного движения. Он не думал об этом, как не думает скачущий пард о том, куда поставить лапу. И силы ему должно было хватить. Иначе тело отыскало бы иной путь вверх.

«Путь есть всегда!» – впечаталась в его память фраза Эйрис. Только землетрясение могло бы сейчас сбросить юношу со скалы. Несмех стал частью этого изрезанного природой и людьми склона. Впрочем, и о землетрясении он узнал бы заранее, как знает о нем сама земля.

Конгая отделял от цели какой-нибудь десяток локтей, когда Эйрис, оттолкнувшись от нижней террасы, вспрыгнула на стену. Пальцы ее рук и ног еще в воздухе потянулись к нуж-

ным выступаю. Она поднималась по отвесному обрыву быстрее, чем карабкается по веревочной лестнице матрос. И ей ничего не стоило догнать Несмеха, чтобы одновременно с ним оказаться наверху. Она сдернула с тяжело дышащего юноши черную повязку. Несмех поморгал, привыкая к яркому свету дня.

– Ты постиг! – Глаза девушки сияли. – Ты обрел первую основу! Хочу, чтобы у тебя был праздник! Чего ты желаешь?

«Тебя!» – мысленно вскричал Несмех. Но вслух сказал, пожав широкими плечами и улыбнувшись:

– Выбери за меня!

Эйрис задумалась, а потом хлопнула его по руке:

– Я возьму тебя в Вечное Лоно!

– Отличная идея! – согласился Несмех. – А я проживу обещанные две минуты?

Он не забыл ее слов, сказанных в первый день.

Эйрис засмеялась:

– Проживешь! Я пойду с тобой. И не только я. Следящие видели неподалеку большого краурха. Его надо взять, а для этого потребуется много охотников. Великолепное зрелище! Я скажу отцу, что завтра ты пойдешь с ними. Оу! Ты увидишь Вечное Лоно, Большой! Оно чудесно!

– Не сомневаюсь! – отозвался Несмех. – Краурх, это кто? Как он выглядит?

– Прекрасно! Сплошь покрыт броней! Стрелы от него отскакивают! Такие огромные клешни! – В голосе девушки звучала совершенно детская радость. – Похож на скального краба, – добавила она спокойнее. – Только намного больше!

Несмех любовался своей наставницей, вдруг превратившейся в маленькую девочку. Он смотрел на нее сверху (макушка Эйрис – на уровне его подбородка) и думал о том, кем бы стала она, если б родилась в Фаранге. Каким было бы ее тело, походка, голос? И осталась бы она столь желанной Тилоду, если б не принадлежала племени Хозяев Реки?

– Эйрис, я видел гигантского краба в зверинце. Он действительно велик, больше взрослого парда!

– Что? – удивленно спросила девушка. И расхохоталась. – Парда? Должно быть, ты видел совсем молоденького краурха! Велик! Вы очень странные, родившиеся в городах!

– Я родился в деревне. Но это не важно. Скажи, ты хотела бы побывать в большом городе?

– Я была в Сарбуре! – Девушка взглянула на него с недоумением. – Это большой город? Почему ты спрашиваешь?

– Большой. Он тебе понравился?

– Нет! Конечно, нет! Вялый, грязный и очень скучный!

«Так тебе, великолепный Сарбур!» – злорадно подумал фарангец Несмех.

– Отец мой, Натро, возил меня в Сарбур, когда мне сравнялось восемь лет. Он сказал: потомки Благородного Учителя когда-нибудь вернутся туда, откуда пришли, и я должна увидеть, как живут другие. Надеюсь, пророчество не коснется моих детей – не хочу видеть их несчастными! Мы рождаемся, чтобы жить, а не спать! Пойдем, Большой! Я хочу, чтобы ты спустился по восточному краю. Там меньше террас, и камень в это время не так сильно раскален, как здесь!

Следующий день начался для Несмеха, как обычно, приходом Эйрис.

– Вот! – девушка, положила узел с одеждой.

– Для чего это? – удивился конгай. – Здесь и так слишком жарко!

– Оу! Да! Слушающий ходит в Вечное Лоно босиком! – засмеялась Эйрис. – И кое-кто из молодых тоже. Достойное испытание! Но не для тебя. Без серьезной причины даже маг не

войдет в Лоно в одной набедренной повязке. Делай как я! – и развязала второй, точно такой же узел.

«Нижняя» часть одежды состояла из шелковой рубашки и таких же панталон, поверх которых натягивались чулки. Нежный, прохладный на ощупь тончайший паутинный шелк. И рубаха, и панталоны сшиты очень свободно.

На нижнюю одежду надевалась верхняя: куртка из толстой паутинной ткани и шаровары. Многослойное плетение, похожее на то, какое используют для подкольчужных курток. Всё черное... Несмех натянул сапоги из акульей кожи с мягкой подкладкой. Затянул двойные ремни, перехватывающие запястья и голенища сапог. Надел перчатки. Эйрис помогла ему правильно застегнуть капюшон. Показала, как пристегивать клапан, закрывающий нижнюю часть лица. Глаза можно было защитить рамкой с натянутой на нее прозрачной летательной перепонкой большой медовницы⁷. Рамка опускалась наподобие забрала. К удивлению Несмеха, даже при полностью закрытом лице дышалось легко. И голова поворачивалась свободно. Не хуже капюшона скроен и весь костюм. Паутинная ткань пропускала воздух, а когда Несмех двинулся, его словно овеял ветерок.

Они поднялись на верхнюю террасу. Верная себе, Эйрис не разрешила юноше воспользоваться лестницей. Зато он убедился, что в сапогах лазать еще удобнее – помогала шершавая кожа на подметках.

Как оказалось, они пришли на оружейный склад. Эйрис дала Несмеху меч, непривычный, с утяжеленным, сильно расширяющимся к концу лезвием. Ножны крепились наискось за спиной, и выхватывался меч непривычным для конгая способом – из-под руки. Несмех проделал это разок – и едва не распорол себе подмышку.

– Оставь! – сказала Эйрис. – Сегодня он тебе не понадобится, а потом я тебя научу.

Кроме меча Несмех получил короткий лук, также крепившийся за спиной, и колчан толстых стрел.

Эйрис, кроме лука и меча, взяла трос из паутины с прикрепленным к нему «трезубцем», состоявшим из клинка в пядь длиной и расходящихся от его основания двух отточенных стальных «когтей», а у основания имеющим два расходящихся отточенных стальных когтя. К другому концу троса был привязан шар размером с кулачок ребенка. Следующим предметом арсенала Эйрис стала духовая трубка и запас стрелок, хранившихся в перевязи меча. По тому, как осторожно она укладывала их в футляры на ремне, Несмех понял, что стрелки отравлены. Пока она наполняла небольшую сумку на поясе, Несмех решил поближе рассмотреть оружие Берегового Народа и обнаружил множество предметов, о назначении которых он не мог даже догадываться. То есть он догадывался, что все это – оружие, но представить себе не мог, как им пользоваться.

– Нравится? – спросила Эйрис.

Она закончила экипировку и тихо подошла сзади.

– А? – отозвался Несмех. – Не очень-то я в этом разбираюсь! Вот это, например, что такое? – Он взял изделие из полудюжины соединенных вместе тростниковых трубок с четырьмя свисающими ремешками. Больше всего эта плоская конструкция напоминала музыкальный инструмент.

Вместо ответа Эйрис быстро пристегнула штуковину к голове так, что отверстия трубок оказались у ее рта.

– Смотри! – Она показала Несмеху на маленький овальный щит, висевший на стене. Резкий выдох – и поверхность щита ошетибилась дугой трепещущих стрелок.

– Пойдем! – сказала Эйрис, отстегивая оружие. – Нас ждут.

---

⁷ Медовница – летающая ящерица, питается пылью, растительным соком и плодами. Размеры – от трех до тридцати сантиметров.

- Как это называется? – поинтересовался Несмех.
- Суфф! Идем же!

Десять туземцев в точно таких же защитных костюмах ждали у разделительной полосы на вершине горы. Нижние клапаны капюшонов у всех пристегнуты. Несмех видел лишь десять пар коричневых глаз. Хозяева Реки показались ему совершенно неотличимыми друг от друга.

Как только Эйрис и ее ученик подошли к группе, охотники окружили их и все двинулись к джунглям.

Пересекая разделительную полосу, Несмех убедился, что этот край Берегового Города охраняется не хуже, чем подступы к крепости во время войны. Защитная полоса шагов в тридцать шириной: нагромождения валунов, заостренных кольев, скрытые и отверстые ямы, самострелы, хитрые ловушки. Не зная проходов, пройти почти невозможно. Понижающийся склон представлял собой отличный обзор для наблюдателей. Выбеленные солнцем кости и остатки панцирей лежали на каждом шагу. Некоторые – весьма приличных размеров.

У самого края Леса охотникам пришлось перепрыгнуть через полосу черного вещества с острым запахом. И сразу же у них под ногами засновали тысячи сухопутных крабов всех форм и расцветок. Они совершенно не боялись людей, но довольно ловко увертывались от мягко ступающих ног. За черной полосой дерн содран до скального основания горы. Еще дальше – полоса выжженной земли. Здесь отряд ненадолго остановился. Некоторые прикрыли глаза прозрачной, радужно переливающейся пленкой. Несмех сделал то же. Потом отряд построился прежним порядком – Несмех и Эйрис в центре – и вошел в джунгли.

Эйрис была права: Вечное Лоно оказалось потрясающе красивым! Здесь, на склоне горы, еще не росли исполинские деревья, чьи ветви укрывают землю многоярусной крышей: слишком тонок слой почвы. Но и более скромная растительность уходила вверх на внушительную высоту, вознося к небу оплетенные лианами стволы. Под ними тянулась к свету молодая поросль с листьями разнообразнейших форм и расцветок. И все вокруг усеяно цветами. От ярких красок слепило глаза, а от аромата кружилась голова. Цвели даже ползучие лианы. Несмех чуть не вскрикнул, когда одна из таких лиан, пересекающая тропу, – стебель толщиной в мужскую руку – шевельнулась около его сапога. Конгай сразу же вспомнил страшные сказки о растениях-душителях. Но эта лиана оказалась мирной и душить его не стала.

Тропа заросла ржавого цвета травой. Поросль на ней – ниже и реже, чем вокруг, но все равно охотникам то и дело приходилось пускать в ход широкие мечи, отсекая ветви, прорубая переплетенную массу воздушных корней и обросших мхом лиан. Густые лишайниковые бороды свешивались с горизонтальных ветвей почти до самой земли. А над головами, под ногами, повсюду – висели, падали, перекатывались и гнили синие, черные, красные, фиолетовые, полосатые и пятнистые плоды. Некоторые, сорвавшись вниз, пусть даже с небольшой высоты, вполне могли убить человека. Несмех подозревал, что многие могут убивать и иначе – стоит лишь проглотить крохотный кусочек их мякоти. Между опавшими плодами, не уступая им ни в яркости, ни в разнообразии, поднимались грибы. Шары, наросты, «головы», «пальцы», бесформенные наплывы... Впрочем, грибы отличались разнообразием не только в Вечном Лоне. Зато такого набора колючек не было больше нигде. От крохотных, едва заметных, но намертво застревающих в коже до огромных отравленных пик. Однако никакие иглы не могли защитить растения от ртов, клешней, щупалец кишевшей вокруг живности.

Прежде всего бросались в глаза крабы. Великое множество крабов: от алых малюток, умещавшихся на ногте, до страшноватых созданий с черными шариками глаз на стебельках и клешнями, способными с маху отхватить палец. Столь же многочисленными и куда более шумными были лягушки и жабы. И крысы. В основном маленькие, куда меньше тех, которых Несмех видел на родине. Но один раз он заметил и гиганта в локоть высотой, грязно-зеленого,

с большой круглой головой. Крыса сидела на задних лапах и глядела на людей малюсенькими злобным глазками.

Здесь были и змеи, и ящерицы, и конечно – слизни. Все это прыгало, ползало, бегало, карабкалось по стволам и ветвям, свешивалось с них, спалось на головы идущих, пожирало друг друга, совокуплялось, множилось... Вечное Лоно!

На людей живность обращала мало внимания. Зверье покрупней спешило убраться с дороги. Но пока Несмех не видел никого крупнее человека.

Тропу, по которой двигались охотники, никто не назвал бы прямой. Она спускалась и поднималась, петляла между завалами и непроходимыми зарослями. Пересекала нагромождения булыжников, превращалась в решето переплетенных корней, с которых смыло почву. Несколько раз охотники пересекали овраги с клокотавшей внизу водой. Через такой овраг обычно был переброшен древесный ствол, скользкий от покрывавшего его синего мха. Охотники перебежали по нему с легкостью ящериц. Для Несмеха же натягивали веревку, и только она спасала его от падения с приличной высоты на острые камни, усеивающие дно оврага.

В топких местах им приходилось перепрыгивать с корня на корень, и ноги оказывались заляпанными грязью выше колен. Зато стоило пройти десяток шагов среди густой влажной травы, как одежда и сапоги вновь становились чистыми. Несмех по достоинству оценил свою экипировку. Прочный непромокаемый костюм, способный выдержать укус, укол шипа или хватку клешней. Фарангец на знал, как обстоят дела у Хозяев Реки, но сам он то и дело стряхивал с себя вцепившихся в ткань мелких тварей. Некоторые из них были размером с ладонь, большинство – наверняка ядовиты. Дважды его оплевали какие-то существа, причем второй плевок угодил прямо в лицо: несколько капель белой жидкости стекли с прозрачной пленки, защищающей глаза.

Шедший впереди вскинул руку, и ближайший к Несмеху охотник прижал его к опутанному лианами стволу. Конгай увидел, что весь отряд затаился и ждет. Вскоре и он услышал треск, а потом что-то огромное, бурое, глянцево-блестящее проломилось сквозь заросли и ушло в сторону восхода. Кто это, Несмех, разумеется, не разглядел, но оставленная громадной просека была пошире тропы.

Отряд двинулся дальше. А еще через полчаса справа от тропы, в трех шагах от конгая, из молодой фиолетовой поросли вдруг вынырнула плоская голова, сизая, с тремя красными рожками на длиннющей зеленой шее. Распахнув пасть с загнутыми, сочащимися ядом зубами, голова зашипела и откатнулась назад, готовясь ударить...

Несмех убедился – выхватывать меч из-за спины столь же удобно, как и из ножен на поясе. Ближайший к мерзкому созданию охотник отсек рогатую голову через миг после того, как она вынырнула из кустарника. Удар был так стремителен, что Несмеху показалось – длинная шея попросту разорвалась пополам.

Остальные охотники даже не повернули головы. Обычное дело.

Отряд остановился. Одна из безликих фигур приблизилась к Несмеху, и юноша, по глазам, узнал Эйрис.

– Мы – рядом, – прошептала она, притянув к себе голову Несмеха.

Юноша не понял, почему в бедламе Вечного Лона нужно говорить шепотом. Не понял он и слов Эйрис, но все же согласно кивнул.

Охотники перестроились цепью.

Кустарник впереди стал пореже, и юноша заметил между стволами подобие поляны, а на ней – громадный валун мокро-лилового цвета. Там, где золотистая труба пробившегося через полог листвы света падала на его вершину, валун блестел, как полированное дерево.

Охотники подбирались именно к валуну. До него оставалось не больше двадцати шагов. Несмех тщетно пытался обнаружить, кого же они выслеживают. Неожиданно один из охотников пронзительно свистнул. И Несмех увидел – кого.

Огромный камень вздыбился, развернулся, поднялся с треском и хрустом на растопыренных, усеянных шипами лапах. Громаднейший краб, спина которого возвышалась над землей на десяток локтей, задрал вверх лиловые, с черной каймой, усеянные зубьями клешни, оглушительно защелкал ими, пока угольно-черные шары его глаз вертелись на стеблях, ища источник звука.

Опорные лапы взбороздили землю. Краурх боком пошел вправо, а потом вдруг подпрыгнул, рванулся к кустарнику с желто-зелеными цветами. Выброшенная клешня мимоходом разрубил древесный ствол в поллоктя толщиной. Несмех увидел мелькнувшее в кустарнике гибкое тело охотника. Тотчас еще одно черное тело взлетело вверх с другой стороны. Вспыхнул в лучах солнца изогнутый клинок и ударил в сустав опорной лапы. Краб мгновенно развернулся, но охотник нырнул под брюхо, а третий охотник, выскочив сзади, вспрыгнул на согнутую ногу краурха и, оттолкнувшись, оказался на широченной плоской спине. Мелькнуло кривое лезвие на паутинном шнуре – и желтая жидкость ударила из перерубленного глазного стебля. Черный шар глаза размером с человеческую голову упал на траву.

Краб волчком завертелся на месте. Клешни грохотали, как сотни соударяющихся щитов. Опорные ноги слились в один бешеный круг. А на спине чудовища приплясывал, раскручивая оружие, крохотный человек.

Несмех ощутил, как дрожит от возбуждения Эйрис.

Краб вдруг замер. Настолько резко, что будь на месте охотника Несмех, он кубарем скатился бы со спины. Но Черный устоял. И вновь метнул оружие. Так краурх лишился второго глаза. Тотчас же остальные бросились прямо под беснующиеся опорные ноги. Могучие клешни щелкнули еще несколько раз – и краб успокоился, опустил ноги, сложив на плоское панцирное брюхо.

– Что с ним? – спросил Несмех.

– Яд! – коротко ответила Эйрис. – Сейчас краурха подготовят.

Охотники уже возились у передней части головогруды. Несмех подошел поближе и увидел, что они буравами высверливают броню краурха и вгоняют внутрь тонкие стальные «усы».

– Что они делают? – удивился он.

– Увидишь!

Спустя несколько минут охотники закончили операцию и по очереди вскарабкались на плоскую спину. Трое уселись около торчащих «усов», один – над «ртом», двое – рядом с обрубками глазных стебельков.

– Полезай! – Эйрис подтолкнула Несмеха. Тот поднял руки, ухватился за край панциря, чтобы подтянуться, но его попросту схватили за руки и вздернули наверх. Эйрис одним прыжком оказалась рядом... И краурх встал!

Так стремительно, что Несмех едва не свалился вниз – его удержала чья-то рука.

Потоптавшись на месте, краб вдруг сорвался и побежал по тропе. Рысь его была быстрой и вместе с тем удивительно ровной: спина сотрясалась только тогда, когда передний боковой край панциря подминал стволы деревьев. Это был великолепный способ передвижения! Подрост остался внизу, вместе с таившимися в нем опасностями. Всадникам приходилось лишь уклоняться от свисающих лиан или низких ветвей.

Впереди показался овраг. Краб прибавил скорость и одним прыжком перемахнул через него. Перемахнул и помчался дальше, оставляя позади широкую просеку. Когда панцирь краба подминал очередное дерево, с ветвей его взметывался в воздух настоящий разноцветный смерч. Хищники покрупнее спешили убраться с дороги. В Вечном Лоне было совсем не много чудовищ, способных бросить вызов взрослому краурху.

До края джунглей добрались в пять раз быстрее, чем пешком.

Достигнув выжженной полосы, краб остановился. Все охотники, кроме троих управляющих, спрыгнули вниз. Несмех немного поколебался, прежде чем сигануть с высоты десяти

локтей. И напрасно. Когда он наконец решился – три пары рук подхватили юношу прежде, чем его ноги коснулись земли.

Медленно, осторожно, одну за другой переставляя шипастые суставчатые лапы, краурх двинулся через защитную полосу.

– Что с ним теперь сделают? Съедят? – спросил Несмех.

– Съедят? – Эйрис засмеялась. – Стоило бы тогда его ловить! Если за ним ухаживать, он проживет не меньше десяти лет. Нужно только подрезать ему глаза, когда он сменит панцирь. Краурх – дар Лона Благородному Учителю! На его спине мы в три дня можем достичь берега моря Зур.

– А как им управляют?

– Это сложное искусство. Я ему не училась. Тебе понравилось Вечное Лоно?

– О да! Я хочу побывать в нем еще раз! Как насчет завтра?

– Ты не готов! – отрезала Эйрис. – Даже мне не уберечь тебя в одиночку! Овладей Четырьмя – и Лоно станет твоим! Мы, Народ, живем, чтобы владеть Лоном! Только мы, да Рожденные-в-Тумане (тут Эйрис аккуратно плюнула себе под ноги), да еще маги – можем войти в него и не стать мясом. Этому научил нас Благородный! – И добавила с гордостью: – Я – из его потомков! Мое лицо – его лицо! Потому, что кровь Благородного Учителя сильнее любой крови.

– А кто он, Благородный Учитель?

– Узнаешь! – отрезала девушка. – Пошли! Твой отдых кончился!

«Отдых!» – саркастически подумал Несмех, последовав за наставницей.

Этой ночью он впервые задумался над тем, что нужно от него Береговому Народу. Теперь он узнал достаточно, чтобы понять: Хозяева Реки – далеко не дикари. А в том, насколько сильна их магия, он убедился сегодня, увидев, как был покорен гигант-краурх. Так для чего же им он, Тилод-Несмех, беспомощный, не обладающий ни знаниями, ни магической властью, ни каким-нибудь заметным талантом?

А ведь Хозяева Реки не только сохранили ему жизнь, но и поручили его лучшей из своих наставниц! Для чего?

С этой мыслью он и уснул. И снился ему Фаранг.

* * *

Нижняя терраса всего лишь на локоть-полтора возвышалась над поверхностью речного потока. Ряд пещер вдоль нее был необитаем. Во время дождей их заливала река.

Из случайно услышанного разговора Несмеху стало известно, что пещеры были и в подводной части обрыва.

За четыре с половиной месяца, прожитых Несмехом в Береговом Городе, он до смешного мало узнал о его обитателях. И в основном из таких вот обрывков чужих бесед. Вся его здешняя жизнь полностью определялась Эйрис, упорно ведущей Несмеха к неведомой цели. Каждый день и едва ли не каждую третью ночь они проводили вместе. День – работа: упражнения, испытания, снова упражнения. Ночь – беспокойные сны или впечатываемые в память слова наставницы. Такая жизнь могла бы показаться изнурительной, но Несмех был почти счастлив. И причина тому была – Эйрис.

Последний весенний месяц здесь, на юге Черной Земли, почти не отличался от зимы. Разве что поднялся на ладонь уровень Зеленой. Но такое случалось и после редких дождей. Зато через шесть месяцев вода поднимется, затопит и нижние пещеры, и верхушки трех белых камней, выступающих из воды у берегового склона. Эйрис как-то сказала – эти три пика – одна поднимающаяся снизу скала с вершиной, рассеченной натрое.

Сейчас на этих белых, голых, раскаленных солнцем камнях расположилась компания тощих нагих ребятишек, упражнявшихся в стрельбе из лука. Мишенью им служили плавающие у самой поверхности рыбы. Для такой охоты требовался отменный глазомер и твердая рука. И терпение. Несмех с восхищением смотрел, как четырехлетний малыш раскачивается на самом краю скалы, следя острием коротенькой стрелы за серебристо-синей спиной рыбы, не уступающей по размеру самому охотнику.

Выстрел – и стрелка, взбив крохотный фонтанчик, уходит в воду, унося привязанную к хвостовику паутинную нить. Пять выстрелов из шести, как правило, были неудачны. Но иногда требовался целый десяток детских рук, чтобы добить и вытащить рыбку, вид которой поверг бы в трепет взрослого фарангца. Однако Будущие Хозяева Реки без церемоний приканчивали ее ударами ножей и маленьких копий, ловко избегая зубов и ядовитых колючек.

Только однажды видел Несмех, как один из малышей, потеряв равновесие, упал в воду. Несколько мгновений потребовалась его друзьям, чтобы вытащить упавшего обратно. И все же Несмех успел заметить длинную светлую тень, скользнувшую рядом с камнем там, где только что был ребенок. Когда он рассказал об этом случае Эйрис, та осталась совершенно равнодушной. Заметила лишь, что маленькие обитатели реки опаснее больших.

– Только им нужно немного подумать, чтобы разобраться в твоей съедобности. Нападают они не сразу: и рыбки-серебрянки, и точильщики, и жгучие черви – все они сначала попробуют твою воду, потом – твою кожу, а уж после этого займутся тобой всерьез. И уж тогда обглодают твои кости меньше, чем за минуту. Быстрая смерть, но недостойная! – добавила она.

Несмех смотрел воду. То есть он лежал ничком на камнях и вглядывался в зеленые текущие струи, в завихрения крохотных частичек ила. Это было неправильно.

– Ты должен смотреть только воду! – настаивала Эйрис. – Не на рыб, не на камни, не на рачков или пауков-водолазов! Даже не на ил – только воду! Ты научился быть камнем. Теперь ты должен стать водой, рекой: от истоков ее в горах до устья, там, где ее вода смешивается с соленым морем!

Несмех старался, но у него не получалось. Он мог ощутить себя потоком воды, когда лежал в одном из маленьких бассейнов лабиринта. Но ему нужно было прикосновение теплых струй, делающее тело невесомым.

– Я не чувствую ее! – пожаловался он, когда тень Эйрис упала на камень рядом с его головой. – Я должен окунуться в нее! От пристального взгляда у меня только слезятся глаза!

– Ну так окунись! – тут же сказала Эйрис.

– Чтобы меня съели?

– Я натру тебя соком дерева Ман. Он отпугнет и мелюзгу, и больших охотников. Ты сможешь пробыть под водой не меньше минуты!

Эйрис принесла губку и с ног до головы натерла его густой, коричневой, щиплющей губы массой. Несмех ухватился за веревку, которую держала Эйрис, и осторожно сполз в воду. Теплые струи сразу же подхватили его. Веревка натянулась. Коричневый дымок смываемого сока потянулся по течению. Несмех опустил в воду с головой и увидел стаи рыбешек, вьющихся в зеленоватой воде, как медовницы кружатся возле распустившегося цветка. Сзади, куда относилось смываемое сок, их не было совсем, но со стороны течения они подплывали к самой коже Несмеха, трогали ее тупыми мордочками, отплывали назад, снова приближались... Появились и другие, тоненькие, похожие на красные иглы с черными выпуклыми глазками. И третьи, и четвертые... Самые большие – длиной с палец Несмеха. Но их так много! Юноше стало не по себе. Он подумал о том, надолго ли хватит отпугивающего действия сока. И будет ли он надежной защитой от более крупных обитателей реки. Вроде тех, которые лезли на палубу «Победителя»... Нет, его опыт определенно не удался!

Он вынырнул и поспешно вскарабкался на берег.

Эйрис поглядела на него, покрытого коричневыми разводами, испуганного и немного обиженного. Темная лужица натекла на камень вокруг его ступней.

В глазах девушки мелькнула тень сочувствия.

– Тот, кто чувствует воду, – заметила она, – не боится ее обитателей. Он сам – вода!

Несмех вспомнил маленькую рыбку. Он растопырил пальцы, и рыбка тотчас подплыла, потыкалась широким ротиком в его ладонь. Юноша сжал руку. Рыбка затрепыхалась, пытаясь освободиться. Но Несмех крепко держал скользкое туловище. Рыбка разинула ротик – и Несмех увидел, что челюсти ее усеяны маленькими острыми зубками. В три ряда: сверху и снизу. Несмех сжал руку сильнее – он испугался, что рыбка может укусить, – и кроха перестала трепыхаться. Тогда он отпустил ее. Рыбешка стала медленно опускаться вниз. Но опускалась недолго. Несколько серебряных стрелок метнулись к ней. Короткая возня – и только маленькое облачко осталось от той, кого Несмех только что держал в ладони.

– Да, – возразил он, вспомнив, – ты – вода! Но знают ли об этом крохотные твари с остренькими зубками?

Эйрис встала на цыпочки и постучала его по лбу твердым указательным пальцем.

– Ты слишком умный! – констатировала она.

Оттолкнувшись ногами, она перевернулась в воздухе и, как нож, без всплеска вошла в воду.

Не менее ста ударов сердца она не показывалась на поверхности, а потом всплыла локтях в ста двадцати, повернулась и быстро заскользила к берегу. Подплыв, она взялась руками за камень. Струя подняла ее тело к поверхности.

Несмех видел шнырявшую в реке хищную мелочь. На Эйрис они не обращали внимания.

– Ты слишком умный! – повторила девушка и рывком выбросилась из воды.

Встав перед ним, она принялась отжимать волосы. При этом глядела на него насмешливыми синими глазами, и то, что юноша прочитал в них, заставило его решиться.

Он сделал шаг к краю террасы и прыгнул в воду.

Рука Эйрис поймала его в воздухе и отбросила к стене.

Несмех и представить себе не мог, что девушка так сильна!

Он врезался спиной в каменный выступ и охнул от боли. Эйрис схватила его за плечи и сжала так, что Несмех едва не взвыл.

– Ты дурак! – прошипела она прямо ему в лицо, как рассерженная ящерица. – Если я захочу тебя убить – я убью тебя собственноручно!

Несмех глядел на нее, словно схваченный кугурром щенок. Он уже осознал, что готов был сделать. Больше того, представил, как его заживо пожирают крохотные рыбки. Несмеха едва не стошнило.

Эйрис словно читала его мысли:

– Вижу, ты понял! – и отпустила с трудом переводившего дух юношу. – Посиди-ка здесь, я кое-что принесу!

Вернулась она быстро. И принесла с собой предмет, похожий на серебряное зеркало с ручкой, изогнутой под углом к плоскости полированного листа.

– Сядь на край террасы, – велела она, – и смотри сюда!

Девушка опустила зеркало в воду, держа его чуть ниже поверхности. Солнце уже скрылось за краем западных гор и поверхность реки потеряла блеск. Несмех увидел в зеркале собственное лицо, контуры которого слегка искажались в бегущей воде.

– Смотри не на себя! – приказала Эйрис. – Ни в коем случае не смотри на себя! Только на воду! Только на воду, ту, что между тобой и отражением!

Несмеху было очень трудно смотреть на воду, потому что его собственное, колеблющееся лицо притягивало, казалось необычайно интересным, загадочным, таинственным.

«Только чуть-чуть...» – подумал Несмех и перестал сопротивляться этому очарованию.

И сразу же голос Эйрис растаял, окружающий мир растворился, Несмех даже дышать перестал. Игра Отражения полностью поглотила его. Вот он увидел, как Отражение стало подниматься из воды ему навстречу, приблизилось... Вот-вот оно сольется с ним!.. На какое-то время Несмех ощутил страх, потом испытал сильную боль и потерял сознание.

Очнулся он уже на своей собственной жесткой постели.

Эйрис сидела рядом и на сей раз у изголовья горел не волшебный огонь, а обыкновенный масляный светильник.

– Сегодня для тебя был опасный день! – сказала она устало. – Мне не следовало давать тебе этот урок! Отец сказал: счастье, что ты остался живым. И самим собой. Я вовремя треснула тебя по затылку! Единственный толковый поступок за весь вечер!

– И все же ты не отпустила меня в Нижний Мир!

Несмеху захотелось приласкать ее, но он не решился. Протянув руку, он погладил ножку светильника.

– Да, – сказала Эйрис с горечью. – У меня совсем не осталось сил. Даже на золотой чи⁸.

– Что случилось с зеркалом? – спросил Несмех, чтобы отвлечь ее.

– Ты увидел свою воду, Большой!

– Это так опасно?

– Я учу тебя власти над Четырьмя! Чтобы обрести ее, ты познаешь каждую из основ. Или вступаешь с ней в поединок. Если Основа окажется сильнее – она возьмет тебя. Для тебя, чья плоть – камень, вода – самая большая опасность. День был плохой для тебя. И все же я не думала, что ты так быстро поддашься! Я едва не потеряла тебя, Большой!

– Я сам виноват, со своим дурацким прыжком! – с сожалением проговорил Несмех. – Уж не знаю, что на меня нашло!

– Я знаю! – Голос Эйрис на мгновение обрел свою обычную интонацию. – И я ожидала этого! Ты должен был рассердиться! И ты рассердился... Но оказался слишком быстр. Для камня.

– Я ходила к отцу и просила его дать тебе другого наставника! – призналась девушка, помолчав.

Несмех испугался:

– Ты не должна! Я не хочу никого, кроме тебя! Никого другого!

– То же сказал и Натро! – кончиками пальцев Эйрис коснулась губ Несмеха. – Не волнуйся! У меня немалый опыт. Но ты – не сын Народа! Мне тоже трудно, Большой!

И Несмех увидел вместо непреклонной дочери Берегового Народа совсем юную девушку.

– Когда ты родилась, Эйрис?

– Двадцать девять лет назад!

– О! – Глядя на нее, Несмех не мог бы дать девушке больше двадцати двух. И не только из-за ее сложения.

Эйрис улыбнулась почти нежно.

– Я – огонь! – сказала она. – Но я еще не горела по-настоящему! Когда это случится – я обрету свой возраст. Но мы, Народ, храним силу Жизни много дольше живущих в вашем мире. У нас власть над Вечным Лоном – и над самой жизнью. Если я смогу довести тебя до начала твоей судьбы, ты поймешь, о чем я говорю!

– Ты сумеешь! – сказал Несмех. – Я уверен!

– Этого довольно! – улыбнулась девушка. – Теперь я ухожу. Да хранит тебя Ночь!

И оставила его прежде, чем юноша успел что-либо сказать.

---

⁸ Золотой чи – светящийся волшебный шарик. Многие в Мире обладают так называемым «малым волшебством». Создание золотых чи относится именно к этому виду чар.

Несмех здорово устал, но долго не мог заснуть. Ему нужно было время, чтобы управиться со своими чувствами. Впервые Эйрис чуть-чуть приоткрылась ему.

«Нет, – подумал он, – день был не совсем уж плох!»

* * *

Разноцветные и разноголосые джунгли неслись навстречу. Вопреки словам Эйрис, прошло совсем не много времени – и Несмех вновь оказался на плоской лиловой спине краурха. Тяжелый панцирь краба подминал под себя поросль, как подминает траву катящийся с горы камень. Если же попадалось дерево потолще, щелкала огромная клешня – и движение продолжалось.

Краурх нес две девятки всадников. Трое управляли бегом краба, четверо расположились в центре, остальные – вокруг, в постоянной готовности отсечь летящую навстречу ветку или встретить клинком атакующего хищника.

В центре – Несмех с Эйрис, седовласый Натро и еще один мужчина, Слушающий. Несмеху, узнавшему цену жизни в недрах Вечного Лона, было дико видеть отца Эйрис и Слушающего, облаченных лишь в набедренные повязки. Конечно, Эйрис плавала в реке. Да и сам он сидел в воде, обмазанный отпугивающим составом. Но никакой состав не обеспечивал безопасности в Лоне. На самой Эйрис такой же защитный костюм, как на конгае и остальных охотниках.

Нынче утром Несмех узнал от Эйрис, что Натро решил собственноручно помочь молодому фарангцу обрести власть над основой Воды.

Сейчас они ехали в то особое место, где это должно осуществиться. Несмеху оставалось лишь гадать, что его ожидает.

Слушающий, тощий, маленький, темнокожий, внешностью напомнил юноше фарангских нищих-попрошак. Но конгай достаточно хорошо знал Хозяев Реки, чтобы не сомневаться: этот выглядящий заморышем человек в считанные мгновения может отправить в Нижний Мир дюжину воинов.

Тысячи вопросов вертелись на языке юноши, но он робел в присутствии Натро и Слушающего. Особенно – Слушающего, потому что Натро, похоже, относился к конгаю с симпатией. Слушающий же поглядел на фарангца всего лишь раз – так человек смотрит на лягушку необычного окраса – и больше не удостоивал вниманием.

– Натро! – решился Несмех. – Вы так ловко управляетесь с животными! – Он похлопал по лиловому панцирю. – Почему у вас нет ни пардов, ни собак?

Это был не тот вопрос, который Несмеху хотелось задать в первую очередь, но спрашивать о серьезном...

Седовласый обратил к юноше сосредоточенное лицо.

– У нас есть парды, – сказал он. – По воле Благородного, некоторые из нас умеют ездить на них. Но здесь, в Вечном Лоне, парды бесполезны. Даже кугурру, выросшему в тени Пурпурного Стрелка, я не доверил бы свою жизнь. А парда убьет первый же ядовитый шип.

– Но охотничьи псы?..

– Вечное Лоно – не для них. Из вскармливающих молоком только охотники Народа, Рожденные-в-Тумане (Слушающий сморщился и сделал пальцами отвергающий магический знак) и убийцы-кугурры не обречены здесь на быструю смерть.

– А крысы? Я видел их в избытке! Да они и здесь повсюду! – возразил Несмех.

– Но ты не видел, как пестроголовый ящер пожирает крыс! Или как глотает их сетчатая змея. Эти зверьки подобны плодам: живут, пока не созреют!

Краурх остановился, чтобы клешнями расчистить путь, и Несмех, потеряв равновесие, вцепился в шершавый панцирь.

Когда они снова двинулись, юноша спросил:

– Если это не тайна, расскажи, как они управляют краурхом! – и показал на трех, сидевших впереди.

– Рассказать – не тайна! – усмехнулся Натро.– Кто бы ни выслушал меня, стать глазами краурха он не сможет. Только знающий способен заставить краба увидеть то же, что и человек. И хотеть того, чего хочет человек. Стержни, которые ты видишь – лишь нить, по которой чувство уходит внутрь. И еще: они не дают собственным ощущениям краурха ожить.

– А почему управляющих трое?

– У краурха два ума, у человека – больше, но они собраны его духом. У краурха духа нет. Потому управляют им двое. Но и им нужно отдыхать, чтобы восстановить силы. Для того – третий.

– А как они, трое, договариваются о том, кто отдыхает?

– Не договариваются, чувствуют. Через краурха. И знают, кто из них больше нуждается в отдыхе.

– А другие звери?.. Есть другие, которыми вы повелеваете?

– Есть. Но тебе об этом знать ни к чему. Такое знание не на твоём пути. Ты спросил из любопытства.

– А спросить из любопытства – плохо?

– Для тебя – да! – И замолчал.

Намек был понятен, и Несмех прекратил расспросы.

Откуда-то из-под крон вылетела стая ургов и, петляя между ветвями и лианами, закружилась над бегущим крабом. Они были не черными, как в Северном Конге, а пятнистыми, с желтыми кляксами на грязно-бурой коже, и крупнее, чем их северные родственники. Охотники приготовили луки, и Несмех догадался: здешние урги не ограничивают свой рацион падалью.

Стая отвратительных тварей поднялась повыше, но продолжала кружить над людьми. Так продолжалось, пока из гущи ветвей наверху вдруг не выбросилась алая стремительная молния, «слизнув» одного из падальщиков.

Остальные бросились врассыпную, но алый «язык» успел прыгнуть еще раз, сцапав вторую тварь.

– Что это? – спросил не столько испуганный, сколько удивленный Несмех.

– Угисс! – ответила Эйрис.– Он не опасен. Мы слишком велики для него.

Тропа стала подниматься вверх, но неутомимый краурх не сбавлял скорости. Они уже по меньшей мере на двадцать миль удалились от Берегового Города. Краурх перепрыгивал через неширокие овраги и, спускаясь, пересекал вброд мелкие речушки, бегущие по дну ущелий. Гигант сбегал и поднимался по заросшим кустарником склонам не хуже своих маленьких собратьев. Только вот кустарник в рост человека был для него не более чем мох. Куда труднее было Несмеху удержаться на плоской спине, когда лиловая поверхность вдруг наклонялась под острым углом. Несмех с восхищением глядел на охотников, стоявших в полный рост и чувствовавших себя свободно и уверенно, что бы ни делал краурх.

Спустя полчаса юноша уловил какой-то необычный звук. Он шел оттуда, куда вела тропа. Звук этот нарастал и постепенно превратился в оглушительный рев. Несмех представил себе существо, способное издавать подобный звук, и ему стало не по себе. Здесь, в Лоне, он готов был увидеть кого угодно, даже демона.

Но Хозяева Реки не проявляли беспокойства. Краб продолжал бег, охотники высматривали лишь ближнюю опасность.

Несмех увидел источник шума, когда краурх вдруг выскочил на край пропасти и остановился как вкопанный.

Внизу текла река. Настоящая река, не меньше ста шагов шириной. Выше по течению русло ее образовывало уступ, с которого рушились с грохотом сверкающие на солнце потоки

воды. А у подножия этой великолепной стены кипела, рвалась, рычала обезумевшая стихия. И тем восхитительней было небольшое озерцо, идеально прозрачное, гладкое – в десятке локтей от кипящих бурунов. На противоположной оконечности озера широкой, спокойной, небесно-голубой лентой переливалась вода. Серебряные нити вплетались в нее там, где подступали к поверхности верхушки подводных камней.

Вода перетекала-перекатывалась через край каменной чаши и вновь вскипала, падая, вихрясь, пенясь в узком глубоком русле.

Юноша был потрясен неистовством, уподобившим целую реку горному потоку. И еще больше – единением зеркальной глади озера с ревушей стеной водопада.

– Мы зовем ее – Беглянка! – произнес Натро. – Но есть и другие имена!

– Кормилица! – Это было первое слово, которое произнес Слушающий. Несмех оглянулся: маленький человек сидел с невозмутимым видом.

– Один из тех, кто знает прошлое, – продолжал Натро, – называл ее Рекой Мага. Он говорил: некогда великий маг остановил ее, чтобы вложить в поток часть своей мощи. У прекрасного всегда много имен!

– Она пугает меня! – признался Несмех.

– Вода гневается, когда теряет опору, – заметил Натро.

– И берет жизни тех, кто ее боится! – вставила Эйрис.

– Такова природа воды, – подтвердил Натро. – Любой воды.

Краурх опустился на брюхо, и охотники один за другим спрыгнули наземь.

– Идем, Несмех! – Натро взял юношу за руку.

Эйрис собиралась последовать за ними, но отец знаком приказал: останься!

Вдоль края пропасти, вверх, вела тропинка. Она петляла между каменными зубьями и ребрами склона, огибала выпирающие лбы, иногда приближаясь вплотную к самому обрыву.

Натро поднимался вверх не слишком быстро, но не замедлял шага ни на крутых осыпях, ни там, где приходилось прыгать с одного валуна на другой. Казалось, ему безразлично, что под его ногами: относительно ровный отрезок, поросший густой желтой травой, или осыпающаяся круча. При этом он с неутомимой силой тянул Несмеха, без видимого труда вздергивая того на валуны в три локтя высотой. Несмех подумал: перестань он двигать ногами, Натро этого просто не заметит. И поразительно было то, что кишачая живностью тропа в пяти-шести шагах перед ними была совершенно пуста. Чуть дальше на ней всюду суетились крабы и пауки, шныряли ящерицы. Но перед Натро словно кто-то невидимый сметал их прочь.

Они поднялись на сотню локтей и оказались перед затянутой красными лианами вертикальной стеной. Несмех приостановился, но его проводник одним движением руки отбросил в сторону лианы, обнажив серую с желтизной поверхность скалы и черную дыру пещеры.

Наклонясь, Натро вошел внутрь, ведя за собой юношу.

Однако, идти пригнувшись им пришлось совсем недолго. Шагов через десять свод поднялся. Вокруг было абсолютно темно и пахло почему-то болотом.

Рука Натро все так же крепко сжимала руку конгая. Несмех не мог бы сказать, как долго они шли: под землей трудно определять время.

Впереди забрезжил голубоватый свет. Выход?

Не совсем. На расстоянии вытянутой руки от места, где кончался камень, стремительно неслась вниз сплошная стена воды.

Удивительно, но рев водопада был здесь значительно слабее, чем снаружи. Приложив ладонь к камню, Несмех ощутил легкое подрагивание. Они стояли перед бело-голубой светящейся стеной, пронизанной солнечными лучами. Натро, казалось, к чему-то прислушивался, Несмех же просто восхищался игрой света в летящем потоке.

Отец Эйрис отпустил руку Несмеха. Положив обе ладони ему на плечи, он заглянул в глаза юноши, и тот понял, что нужно сделать. Ни единого слова не было сказано.

Полностью раздевшись, Несмех прошел по холодному камню к арке, за которой началась пропасть в сотню локтей. Маленькие холодные брызги покалывали кожу. Ноги заочнели: Несмех стоял в скопившейся у входа лужице. Он протянул руки и почти коснулся летящей воды. Тело само качнулось вперед, но он усилием воли удержал равновесие, противясь той силе, что скрывается в падающей воде. Он не видел Натро, но знал: тот тоже стоит, едва не касаясь кончиками пальцев сверкающего занавеса. Стоит и ждет. Несмех ждал вместе с ним. Холодные струйки текли по рукам.

Натро шевельнулся, тихо пропел одну-единственную ноту: высокий серебряный стон, уместный на устах юной девушки и удивительный – у сильного мужчины с седеющими волосами.

Но Несмех знал: вот тот, единственный звук, единственный и необходимый... Несмех поймал его губами, втянул вместе с воздухом и ответил таким же высоким и чистым стоном.

Когда воздух в груди его почти иссяк, юноша согнул ноги, глотнул свежего влажного воздуха и с ликующим воплем ринулся вперед.

Тело его врезалось в водяную толщу, тотчас сомкнувшуюся вокруг. Юноша даже не почувствовал удара. Он ощутил только, как его обняла, подхватила, закружила пронизанная светом стихия. Он не падал – летел. Он дышал водой, впитывал ее телом, опьянялся ею, восхищаясь, любя... Только бесконечное ликование наполняло его сердце. Не мгновения длился его полет – вечность!

Целую жизнь, полную неистовых чувств.

Смотревшие с берега увидели крохотную человеческую фигурку, вдруг возникшую вверху ревущей, рушащейся стены, вспарываемой торчащими изнутри скальными клыками. Фигурку, мелькнувшую в чудовищном танце перехлестывающихся потоков и канувшую в безумном котле, где между хаотическими каменными нагромождениями выдыхалась ярость лишенной русла реки.

* * *

Река подмывает берег.
И падает берег в реку.
И, вспенившись, гложут струи
Под комьями вязкой глины.

Уходит вода на запад.
И там отражает небо.
А здесь только корка ила,
Растрескавшегося от зноя.

Конечно, река бессмертна.
И берег бессмертен тоже.
И скоро, довольно скоро
Сойдутся они, как прежде.
Как прежде. Когда-то. Ныне ж
Утративший веру путник
Уткнется в сухое русло
И тихо умрет от жажды,—

было написано на кувшине.

– Эйрис! Откуда у вас такая посуда? Это же чаши старинной тайской работы! У нас они стоили бы очень дорого!

– Да. Они красивые. Откуда? Сотню лет назад к нашему берегу приходили большие корабли. Такие же большие, как тот, на котором приплыл ты. Они привозили вещи, иногда – людей. Потом перестали приходить.

– Почему?

– Я не знаю. Теперь, если нам нужно что-нибудь, чего не дает Вечное Лоно, мы покупаем или обмениваем это на побережье моря Зур.

– И никто никогда не приходит из нашего мира к вам?

– Теперь – нет. Впрочем, я сказала неправду. К нам иногда прилетает один маг. Прилетает на драконе.

– Кто он, Эйрис?

– Я не знаю. Он разговаривает только с отцом и Слушающим. У него на лбу обруч с большим черным камнем. Ты знаешь его?

– Нет. В Конге хватает магов. Даже у нас, в Фаранге, я знаю четырех. Одному я перестраивал дом. Он хорошо заплатил – избавил всю артель от плохих зубов. Верней, сделал их хорошими.

– Как это – плохие зубы?

– Эйрис! Тебя никогда не мучила зубная боль?

– Никогда! Разве зубы могут болеть? Они же такие твердые – как их поранить? Правда, бывает, в поединке или на охоте кому-то выбьют зуб. Тогда нужно время, чтобы вырос новый. Но это не так уж больно...

Несмех улыбнулся.

– Забыл, кто вы! – проговорил он. – Слушай, а драконами вы умеете повелевать?

– Зачем? – Эйрис удивилась. – Мы живем в Лоне, а не на небе.

– На драконе можно облететь весь мир!

– Бо-ольшой! Наш мир – Вечное Лоно! И мы не хотим другого. Может быть, когда ты станешь одним из нас...

– Я?!

– Оу! Почти одним из нас, ты поймешь, что Лоно – это все. То, что вне его, – лишь тень жизни...

– ...конечно, большой лук или арбалет стреляют дальше, но кому нужно далеко стрелять – в Лесу? Все, что дальше пятидесяти шагов, не представляет настоящей опасности. Даже от хорахша или стаи сиргибров можно спрятаться на таком расстоянии.

– Сиргибры – это кто? – спросил Несмех.

О хорахше, самом крупном ящере Гибельного леса, он разумеется, слышал.

– Самые опасные хищники Лона, – сказала Эйрис.

– Больше хорахша?

– Поменьше. Но раз в тридцать умнее. И охотятся стаями. Хотя на нас с тобой довольно и одного. Но нас они выслеживать не станут.

– Почему?

– У них – очень тонкий нюх. Есть трава, запах которой они не любят. Ее отваром смазывают подошвы сапог.

– И что же, их шкуру тоже не пробить стрелой, как шкуру хорахша?

– Не пробить.

– А арбалетным болтом?

– Нет.

– А из метательной машины?

– С метательной машиной – в Вечном Лоне? – засмеялась Эйрис. – Ты сначала попади в сиргибра хотя бы из этого лука.

– Из арбалета я бы попал! – возразил Несмех.

Эйрис снова рассмеялась:

– То, из чего стреляют, – не имеет значения. Важно – кто стреляет! Отдавай стрелу воздуху, сосредоточь в ней всю свою силу – и она достигнет цели! Пустая стрела расщепляется о камень. Стрела, полная силы, расщепляет камень сама!

Несмех покачал головой.

– Может быть, – проговорил он, не решаясь спорить со своей наставницей. – Скажи, правильно ли я стою?

– Передвинь ногу правее и подними подбородок! Теперь – стреляй!

Несмех спустил тетиву и, к своему удивлению, попал в красную часть круга на установленной в сорока шагах мишени. Для него выстрел был просто великолепный. Но Эйрис была разочарована.

– Ты совсем не понял меня! Просто спустил тетиву и ждал!

– А что еще я мог сделать? – удивился Несмех.

– Только что я сказала тебе о пустой стреле. Твоя стрела была самой пустой из всех пустых стрел, Большой! Я трижды повторила тебе, что ты должен сделать!

– У тебя такой красивый голос! – признался Несмех. – Это меня отвлекает!

– Я не могу изменить свой голос...

– Он все равно останется красивым! – вставил Несмех.

– ...И я не могу бить постигшего две стихии! – Эйрис сердито отобрала у него лук. – А как еще обострить твоё внимание?

– Ты – учитель, – пожал плечами Несмех. – Других же ты как-то учила.

– Других? Большой! Никого еще не учили так, как учат тебя! Пойдем!

Поплутав несколько минут по лабиринту, они оказались на просторной площадке, где занимались несколько ребятишек разного возраста под присмотром невысокой большеглазой девушки.

Эйрис подтолкнула конгая вперед:

– Стой и смотри!

Несмех встал поближе к девушке. Он никогда прежде не видел так близко женщин Берегового Народа. Кроме Эйрис, разумеется. Поэтому сначала он смотрел только на большеглазую.

Телосложением, осанкой, даже выражением лица девушка почти не отличалась от наставницы Несмеха: такое же худощавое крепкое тело с развитыми мышцами, неширокими бедрами и еле заметной грудью. Но кожа была намного темнее – цвета кофе с молоком, а лицо – типично конгайское.

Голова девушки была обернута повязкой из красной ткани, бедра охватывала полоска того же цвета. Маленькая грудь открыта. Завершив осмотр, Несмех решил, что девушка привлекательна, но до Эйрис ей далеко. Возможно, он был пристрастен. Сама же дочь Народа если и обратила внимание на изучающий взгляд фарангца, вида не подала. Она не спускала глаз с ребятишек, и Несмех, в свою очередь посмотрев на них, сообразил, для чего его сюда привели. Здесь дети Берегового Народа овладевали основой тверди Земли. Под ногами его был не камень, а, как он определил с помощью недавно обретенного чутья, по меньшей мере четыре локтя грунта. Двое ребятишек постарше, с сосредоточенными лицами, без усталости втыкали в рыхлую землю растопыренные пальцы. Еще один парнишка, стоя на голове в небольшой выемке, совершал руками и ногами плавные, довольно красивые движения. Этаким танец вниз головой.

Четверо, совсем малыши, лет двух от роду, попросту катались по земле, рыли ее ручками, ползали, кувыркались. Словом, делали то же, что и их предоставленные самим себе сверстники в Фаранге. Последнего ребенка Несмех заметил не сразу. Тот был закопан в землю. Снаружи оставалось лишь запрокинутое лицо.

За все это время наставница сделала лишь одно движение: наклонившись, она потрогала лоб закопанного. Несмеха восхищало умение туземцев замирать в неподвижности, почти не дыша, не шелохнувшись. Девушка была – как вырезанная из темного дерева статуя. Только собранные на затылке волосы слегка шевелил ветер.

Несмех почувствовал подошедшую сзади Эйрис.

– Этот путь лучше моего! – тихо сказал он, не оборачиваясь.

– Ты видишь! – согласилась его наставница. – Почему?

– Основа Тверди растет вместе с ними. Я понимаю и чувствую землю. Они ею живут!

– Ты прав и не прав. В главном вы равны. Как я и она! – Эйрис сделала шаг вперед, чтобы Несмех ее видел, и указала на девушку. – Мы обе владеем Основами, хотя ей никогда не устоять рядом со мной на Пути!

– Я не звала тебя, Эйрис! – не поворачивая головы, отчеканила девушка. Сказано было на конгаэне, а не на том, смешанном с мимикой и жестами диалекте, которым пользовались туземцы. Несмех сообразил, что сказано – для него.

Неуловимая гримаса прошла по лицу Эйрис.

– Что мне твой зов, Арин? – почти пренебрежительно отозвалась она.

Арин обернулась быстрее, чем Несмех мигнул.

– Я услышала тебя, Эйрис, – совсем тихо сказала она.

Наставница Несмеха щелкнула языком. Лицо ее стало холодным, но юноша мог бы поклясться, что она довольна.

Арин выдохнула, издав тоненький свист. Колени ее подогнулись, руки с собранными в пучок пальцами выбросились вперед, а тело закачалось, как качается туловище змеи, когда та поднимает голову, чтобы ужалить.

Эйрис еще раз щелкнула языком. Мышцы ее напряглись и расслабились. Держась неестественно прямо, отклонив назад голову, она маленькими шажками двинулась навстречу Арин.

Тело ее соперницы раскачивалось все сильнее, описывая расширяющиеся круги. При этом она будто вцепилась в землю босыми ногами. Жилы на ее икрах вздулись, острые коленки мелко дрожали.

Дети, собравшись вместе, глядели на девушек блестящими круглыми коричневыми глазами. Они не были испуганы – только возбуждены.

Движения Арин стали еще более быстрыми и еще более плавными. Эйрис подняла руки. Ее ладони отогнулись назад под прямым углом к предплечьям. Казалось, она отталкивала от себя девушку. Когда между Эйрис и Арин оставалось лишь несколько шагов, темнокожая девушка метнулась вперед. Руки ее двигались так быстро, что Несмех видел лишь из размытые очертания. Столь же стремительно двигались руки Эйрис. При этом тела обеих оставались почти неподвижными.

Арин отпрянула назад. Она была невредима. Так же, как Эйрис. Обе часто дышали. Ладони Эйрис посередине стали алыми, будто обожженными. Невольно Несмех поймал ритм дыхания своей наставницы и задышал так же, как она, все больше возбуждаясь. Он видел ее напрягшуюся, отведенную назад шею, острые лопатки, почти соединившиеся, натянувшие кожу на спине...

Размах качаний Арин уменьшился настолько, что теперь она отклонялась не больше чем на ладонь. Сжатые в пучки пальцы рисовали в горячем воздухе фантастические кривые. По втянутому животу пробегали быстрые волны. Эйрис приближалась к ней.

Движения обеих выглядели как часть некоего ритуала, но выражения лиц ужасали. Несмех все еще дышал с ними в одном ритме. Сердце его билось с невероятной быстротой, хотя он не двигался.

Арин дернулась, присела, широко разведя колени. Эйрис тоже резко опустилась, но ее колени были плотно соединены. Она была похожа на надломленный цветок.

Руки Арин замелькали...

С Несмехом что-то произошло. Он вдруг совсем перестал слышать. Оглох. Зато стремительный вихрь превратился в замедленный, плавный танец четырех гибких рук. Он увидел, что Арин пытается соединенными пальцами коснуться тела Эйрис. Он даже ощущал, куда направлены ее удары. Видел места, к которым она тянулась, словно от пальцев ее к коже Эйрис шли лучи света. Но лучи эти обрывались, когда раскрытые, натянутые отогнутыми назад пальцами ладони Эйрис встречали руки Арин.

А потом колени Эйрис медленно распрямились. И одновременно она медленно-медленно начала поднимать ногу, подтягивая колено к груди. И Арин, словно соблюдая условия ритуала, тоже распрямила колени. Нога ее оторвалась от земли, делая шаг назад, а ступня Эйрис, с поджатыми пальцами, подтянута под острым углом к голени, – потянулась к ней.

Несмех увидел, как нога Арин опускается прямо на голову, на лицо вкопанного в землю ребенка и тот зажмуривает глаза. Но в последний момент, когда до запрокинутого лица остается совсем немного, нога уходит в сторону, касается земли, вминается в нее всей тяжестью тела, поднимая облачко рыжей пыли. И вторая нога Арин отрывается от земли, неторопливо уходит назад.

Но плавное движение ступни Эйрис быстрее медленного отступления Арин. Колено светловолосой полностью распрямляется, стопа вытягивается, составив прямую линию с голенью и вторая, опорная, нога тоже распрямляется, пятка ее, поворачиваясь, скользит по земле... Покрытые налетом пыли пальцы поднятой, вытянутой, перевитой вздувшимися мышцами, неестественно длинной ноги медленно-медленно догоняют уходящее назад тело Арин и легким, кажущимся нежным, прикосновением дотрагиваются до выступающей косточки между маленьких грудей Арин. И, дотронувшись, словно отталкиваются. Нога Эйрис столь же плавно начинает движение назад, а ее противница медленно опускает голову; колено ноги, на которой она стоит, сгибается, тело, продолжающее движение назад, запрокидывается, и всей спиной, неторопливо, будто поддерживаемая невидимыми руками, Арин ложится на землю, а потом и темноволосая голова ее опускается на землю, затылком, разбрасывая пряди волос...

Слух вернулся к Несмеху так же внезапно, как и пропал. Звуки окружающего мира показались ему болезненно громкими.

Эйрис, опустившись рядом с Арин, положила ее голову на свое бедро и принялась осторожно растирать маленькие уши темнокожей девушки. Спустя минуту веки Арин дрогнули, и она, слабо застонав, вдохнула воздух.

Эйрис помогла ей сесть.

Повернув голову, Арин отыскала глазами Несмеха.

– Я виновата, полубрат! – проговорила она и закашлялась. И, справившись с кашлем, добавила: – Дух Огня овладел мною!

Несмех заметил, как шевельнулись уголки рта Эйрис.

– Ему следовало бы поблагодарить тебя! – заметила наставница Несмеха. И, юноше: – Ты сумел обратить этот огонь, верно?

– Если это означает – замедлить время, то – да! – ответил конгай.

Тень обиды легла на лицо Арин, но светловолосая не обратила на это внимания.

– Оу! Так даже? – сказала она, глядя на Несмеха с удовольствием и любопытством одновременно.

– Ты должна была предупредить меня, сестра! – недовольно проговорила Арин.

– Да? – В голосе Эйрис была ирония.– Разве не сказал Благородный Учитель: используй движение чужой жизни, чтобы укрепить свою!
– Но мы... – попыталась возразить побежденная.
– Арин! – властно сказала наставница юноши.– В моей крови – его кровь! Ты тверда на Пути. Но я – Харрок!
– Да... – шепнула Арин.
Взгляд Эйрис остановил Несмеха, собравшегося задать вопрос.
– Ты в порядке? – спросила она соплеменницу.
– Да! – Арин легко поднялась на ноги.
– Идем. Большой! – сказала Эйрис .– Ты увидел то, что необходимо! И сверх необходимого!

Харрок

«Следующей ночью я начала рассказывать ему Предание.

...Шел двадцать первый год после восшествия на трон императора Ферроса. Двадцать один год назад закончилось Время Смуты, когда от Империи, раздираемой усобицами, отпали Тайдуан, Конг и Хурида, а Гурам перестал отправлять на север корабли с данью. Империя потеряла две трети своих земель, а по оставшимся бродили озверевшие от голода солдаты. Все, в ком текла хотя бы капля доблестной крови Вэрда Смелого, были вырезаны подчистую. Кроме одного ⁹...»

ЮГ. ГИБЕЛЬНЫЙ ЛЕС. ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД

ПО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЮ ИМПЕРИИ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ДО ПРИХОДА ОСВОБОДИТЕЛЯ.

«Первый шел по жестким травам.
Влево, прямо или вправо.
Шел легко, как ходят звери.
Шел.

Шел Второй за Первым следом.
Думал, что идет он к Свету.
Шел, не зная, только веря
В Путь.

За Вторым прошедший Третий
Полагал, что шел к победе.

---

⁹ История о том, как светлейший Ролф, сын Асхенны, оказался в Конге и был избран, чтобы основать Город-на-берегу, рассказана в предыдущей книге летописи «Разбуженный дракон».

Он толпу калек с собою
Вел.

А Четвертый рысью тряской,
Вождея, но – с опаской,
Крался следом, тихо воя.
Жуть!

Пятый шел, вокруг не глядя.
Шел без цели, скуки ради,
Так, перебирал ногами,
Спал.
А Шестой шагал сурово.
В Путь его, как и Второго,
Веры беспощадный пламень
Гнал.

Лишь Седьмой, ступавший тихо,
Знал, когда приходит Лихо.
И к кому оно приходит,
Знал.

Первый шел по жестким травам...»

Стихотворение, написанное Благородным Учителем, светлейшим Ролфом, сыном Асхенны, за день до ухода в Нижний Мир

– Твои пятки не должны касаться края! – крикнула Эйрис. – Только – носки!
– Но я могу упасть! – резонно возразил Несмех.
– Значит, ты упадешь! – твердо сказала девушка. – Но, владея основой Тверди, как ты можешь упасть? Следи за клинком, болтун!

Меч девушки замер в четверти ладони от кожи Несмеха.

– Угу! – Несмех с опозданием отбил клинок.

Тело его балансировало на краю обрыва. При чем стоял он только на половине ступней. Пятки должны были висеть в воздухе, вернее, «искать в нем опору»... Вспомнив о своей власти над Твердью, Несмех дал этой власти выход – и словно прирос к камню. Ему даже показалось: откинись он назад, его «прилипшие» подошвы, не дадут ему упасть. Так ли это, или он попросту полетел бы в пропасть?

– Ты должен чувствовать оружие! – Клинок Эйрис опять остановился у лица Несмеха.

– Дай мне прямой меч! Такой, как у тебя! – попросил Несмех.

– Глупости, Большой! – Она легонько уколола его в грудь. – Прямой меч – ленивый ручей! А тот, что ты держишь в руках – морская волна! Подними ее, взбушуй, позволь взойти пеной – и она поглотит целую реку, целый город, весь мир! – Металл звенел о металл. – Основа Воздуха, Большой! Дай клинку ветер! Дай! – И обрушила на Несмеха шквал ударов. Если бы Эйрис не удерживала свой меч, Несмех был бы уже мертв.

Он обливался потом, грудь вздымалась, как кузнечный мех.

– Ты говоришь как поэт! – задыхаясь, проговорил юноша. – И все-таки я тебя не понимаю!

– Дай-ка, – девушка отобрала у него меч. – А теперь гляди, Большой! – и тотчас окуталась сверкающим туманом.

Тело ее оставалось совершенно неподвижным, но рука с оружием порхала, словно крыло медовницы. А уж сам клинок попросту исчез, превратившись в прозрачное сверкающее марево.

– Смотри на меня, Большой! – В голосе девушки не было и намека на физическое напряжение. – Почувствуй, что делаю я!

Она целую минуту раскручивала клинок, пока Несмех с помощью своего обострившегося чутья старался понять ее.

– Довольно! – наконец произнес он, и Эйрис, остановив движение, сразу же протянула ему рукоять, шершавая кожа которой хранила тепло ее ладони.

Несмех расслабил руку. Только кисть его, сжимающая меч, была напряжена. Он качнул рукой, ощущая тяжесть оружия, качнул сильнее, позволив этой тяжести стать чем-то вроде груза маятника – и продолжением его руки, его тела.

– Хорошо, Большой! Хорошо! – подбодрила его Эйрис, поняв, чего он хочет. В ее руке снова был меч, но она не атаковала. Не хотела мешать Несмеху.

И юноша перестал обращать внимание на то, открыт он или нет. Он как бы разгонял клинок, а тяжесть расширяющегося к концу лезвия увлекала руку за собой. Меч описывал в воздухе расширяющиеся круги. Он «тянул» Несмеха и дважды едва не увлек в пропасть. Но, поймав некий ритм, Несмех позволил телу раскачиваться вместе с рукой, держащей оружие, и почувствовал себя деревом, вросшим в землю и гнущимся на ветру. Одна лишь кисть да связки мышц напряжены, чтобы удержать сверкающий вихрь, со свистом прорезающий воздух. Не рука его раскручивала меч. Рука только лишала металл свободы. Сила, которой повиновался клинок, шла откуда-то из живота, и это она разгоняла меч все быстрее и быстрее...

Эйрис сделала выпад.

Несмех даже не ощутил соприкоснувшихся лезвий. Звон – и прямой меч девушки отбросило в сторону.

– Хорошо, Большой! Хорошо! – воскликнула она.

Несмех вращал меч, наслаждаясь властью над ним, наслаждаясь пением стали... Он и сам готов был петь от радости!

Еще один выпад – и снова конгай даже не ощутил удара.

Он упивался собственной силой!

...и даже не понял, что произошло. Меч вдруг вырвался из руки, а сам юноша, откатнувшись назад, полетел в пропасть.

Эйрис успела поймать его запястье и удержала от падения. Обескураженный, Несмех увидел, что она хохочет.

– Оу! Большой! Мне наконец-то понравилось обучать тебя!

– Ты обезоружила меня! – воскликнул юноша, возмущенный ее весельем.

– Оу! Ты просто забыл, что ты не один! Не огорчайся! – Она похлопала юношу по вздувшимся мышцам предплечья. – Ты сделал все, как надо! Оу! – Она снова засмеялась, и Несмех понял, что она очень довольна.

– Ты, несмышленьш-чужак, за какой-то час сделал то, на что мне, дочери Народа, понадобилось два года! Большой! Когда ты станешь Властвующим, возьмешь меня в ученицы?

Несмех смутился, но потом, заразившись ее радостью, улыбнулся:

– Возьму! Если ты не будешь вышибать у меня меч! Кстати, как это тебе удалось? – После похвалы наставницы его самомнение подросло.

– Я нашла твой исток и спустилась вниз по реке! – ответила Эйрис.

– Очень красиво! – пробурчал Несмех. – А теперь скажи, как говорят для несмышленьшей-чужаков! Чтобы было понятно!

Глаза Эйрис заискрились. Она была изумительно красива в этот момент.

– Когда ты играешь мечом, Большой, вы – вдвоем! Ты и он. Когда ты сражаешься – вы тоже вдвоем. Ты и твой противник. Там, где двое хотят быть вдвоем (как ты и твой меч), третьему места нет. Вы, вдвоем, отталкиваете его. Но я играю в эту игру дольше вас! – Она снова засмеялась. – Потому я стала третьей и ваш союз распался! Я поймала твой меч – и он стал моим! Если бы ты умел играть по-настоящему, ты принял бы меня и мой клинок! Потому что в этой игре нет ограничений! Оу! Большой! Поединок – самая интересная игра, какую я знаю!

– Видел я! – буркнул Несмех, глядя на разгоряченное лицо и восторженные глаза расшавившегося ребенка. – Кровью пахнет!

– Бо-ольшой! – Эйрис нисколько не обиделась. И ни капельки не огорчилась.

– Ты – камень, Большой! Большой, грузный, серый валун! Выигрыш, проигрыш, чем они больше, тем интересней игра! Это – как Вечное Лоно! Что больше жизни? Только смерть! И потому мы побеждаем Лоно, а не оно нас! Потому что Лес – это Жизнь! Сначала Жизнь, а потом Смерть. А мы – сначала Смерть, а потом – Жизнь!

– Мне это совсем не нравится! – проворчал Несмех. – И не нравится, что это нравится тебе!

– Глупости! Пойдем. Я хочу, чтобы ты показал кое-кому Поющий Шатер. Видишь, я уже начинаю тобой хвастаться!

– Поющий Шатер – это защита, которую я только что делал? – спросил Несмех.

– Не защита, – поправила Эйрис. – Поющий Шатер – не для того, чтобы защищаться, а для того, чтобы чувствовать. Понимаешь?

– Вроде бы, да, – задумчиво произнес конгай.

А прилично стрелять из лука он так и не научился.

* * *

Прошло девять месяцев с тех пор, как Тилод, которого теперь звали Несмехом, попал в Гибельный лес. Молодой фарангец очень изменился. Тело его, опаленное южным солнцем, обрело тот же цвет, что и у большинства Хозяев Реки. Он потерял четверть веса, и сила его увеличилась вдвое, а мышцы обрели твердость дерева и прочность шелковой бечевы.

Он научился многому. И многое из того, что он теперь умел, пришло будто само по себе.

Навыки и умения, за которые Береговой Народ платил годами изнурительной работы, начинавшейся с самого рождения и не кончавшейся никогда, давались Несмеху за считанные месяцы.

Несколько раз бывший фарангский зодчий ощущал, что некто живет у него внутри и словно подталкивает, подсказывает, дает ощутить нужное. В глазах Берегового Народа он уже давно перестал читать доброжелательное превосходство. Успехи Несмех принимал как должное, потому что всегда – и в прежней своей жизни – быстро добивался того, чего хотел. Он не понимал разницы. Но ее понимали Хозяева Реки. Сделанное им за девять месяцев было невозможно без высшей магии или помощи богов. Жившие в тени Вечного Лона знали это так же твердо, как знали они, откуда течет Зеленая Река. А поскольку магом Несмех не был, значит ему покровительствовали боги. Для Черных Охотников Лона это было Чудом.

Лишь два человека в Береговом Городе знали, а точнее, догадывались о предназначении Несмеха. О том, что его ожидает. И они выполняли волю. . . – Нет, не волю: никто не приказывает Хозяевам Реки! – желание тех, кого искренне почитали.

* * *

– Одевайся! – Эйрис положила костюм на край ложа.
Несмех, который только-только задремал, недовольно посмотрел на нее:
– Ты сказала: на сегодня – все! – проворчал он. – Я поел! – Он похлопал себя по животу. – Давай отложим на завтра!
– Пошевеливайся! – Эйрис не обратила никакого внимания на ворчание ученика. – Мы идем в Лоне! Слушающий сказал: благоприятное время! Но – только до восхода первой звезды!
– Ого! – воскликнул Несмех, сразу оказавшись на ногах. – Ты хочешь сказать, что мы встретим закат в джунглях?
– В Вечном Лоне! – поправила его девушка.
– Ночь в Вечном Лоне! – мечтательно произнес Несмех, натягивая шелковые шаровары. – Однако сердце мое чует: мне еще не время умирать!
– Для овладевшего Основами Земли, Потока и Ветра ты очень скромн! – фыркнула Эйрис.
– А ты сама не хочешь одеться? – поинтересовался Несмех. – Или ты отправишь в ночные джунгли меня одного?
– Стоило бы! – Эйрис щелкнула его по носу и выскользнула из пещеры.

Несмех успел привыкнуть к костюму Черного Охотника. В нем конгай чувствовал себя в безопасности – как моллюск в раковине. Привык и к оружию, к тому, что меч висит за спиной, а не у бедра.

Эйрис, как всегда, оделась быстрее, чем он. Девушка ждала его на верхней террасе. Рука ее в черной перчатке нервно теребила перевязь с кармашками, где лежали отравленные стрелки к духовой трубке. Несмех впервые заметил, что ее мучит беспокойство.

– Ты не боишься уколаться? – спросил он.

– Нет! Идем!

У края лабиринта их поджидали шестеро Охотников.

Клапаны закрывали лица, но Несмех узнал двоих из тех, что управляли краурхом.

– Сегодня – пешком? – спросил он.

Никто не потрудился ему ответить.

Как только они пересекли Полосу, Охотники окружили их кольцом и отряд почти бегом двинулся вперед, предоставив конгаю поломать голову над причинами такой спешки.

Несмех был в джунглях шестой раз и уже не чувствовал себя новичком. Иногда он даже замечал опасность прежде, чем ее отражал клинок одного из Хозяев Реки. Впрочем, напали на Черных Охотников только растения и совершенно безмозглые гады. Глядя вниз, Несмех часто замечал следы огромных лап, вооруженных очень солидными когтями, но не видел тех, кому они принадлежали.

– Большие хищники предпочитают ночь! – заметила как-то Эйрис.

Отряд вошел в узкую расщелину между скалами, и Несмех подумал, что, кажется, понимает, почему они идут пешком.

Склоны ущелья были совершенно лишены почвы и отвесно уходили вверх на два десятка локтей.

Как всегда бывало на относительно открытом месте, над ними тут же закружилась стая пятнистых ургов.

Одна из тварей даже решилась атаковать, но тут же шлепнулась в десяти шагах от замыкающего Охотника. Тот даже не остановился, чтобы вырезать стрелу. Оставив в покое людей, урги накиннулись на раненого сородича.

Огненный шар пульсировал в белесом небе. Раскаленные стены дышали жаром. Ноги Несмеха искали опоры меж осыпавшихся камней, все чувства его были обострены, но ум совершенно свободен. Сейчас ничто не могло отвлечь конгаю от разгадывания загадки: какой сюрприз готовит ему Эйрис.

За эти месяцы отношение Несмеха к девушке переменялось. Да и сам он изменился настолько, что с трудом мог вспомнить себя прежнего. Теперь молодой человек не мог даже представить, что когда-то Эйрис не было в его жизни. Он доверил ей себя и знал: она верит в него. Вправе ли Несмех желать большего? Вот разве отдать за нее жизнь. Иногда Несмех мечтал об этом. Но понимал, впрочем: умереть в Вечном Лоне – штука нехитрая. Иное дело – выжить. И Несмех очень хотел научиться выживать в Гибельном Лесу. Может быть, тогда он рискнет сказать Эйрис, кто она для него?

Стены ущелья раздвинулись, и их снова обступил Лес.

Высоченные, в четыре-пять обхватов, стволы могучими колоннами уходили вверх, вознося к небу тяжкие многоярусные кроны. Подрост под ними слабенький, едва достающий человеку до пояса. В нем проложена утоптанная тропа, огибавшая более густые участки. Несмех не знал, кто прокладывает тропы в джунглях. Рисунок их постоянно менялся, но Охотники ради безопасности предпочитали идти по тропам, а не напрямик. Вот только куда? Несмех уже знал, что Хозяева Реки чуют направление, как пард чует дорогу домой.

Эйрис окликнула шедшего впереди, и тот свернул влево.

Несмех удивился. Прежде передовой Охотник сам выбирал путь.

Лес изменился, поредел. Вокруг мощных морщинистых стволов царил полумрак. Молодая поросль чахла без света, и можно было идти, не расчищая дорогу мечами. Полумрак, темные колонны стволов... И тишина. Самое непривычное после неумолчного звона, гула, писка молодых джунглей.

Стайка пасущихся травоядных ящеров со смешными полосатыми мордочками проводила людей настороженными взглядами. А шагов через двести из кустов с треском выбрался черный тяжеломердый зверь, отдаленно напоминающий хуруга, присел на толстые когтистые лапы, разинул пасть и свирепо заперхал. Один из воинов снял со спины лук, но не выстрелил.

Эйрис показала знаком: обойдем! И шепотом, Несмеху:

– Она не нападет! Просто сторожит яйца.

Прямо посреди тропы рос желтый пористый гриб размером с голову ребенка. Охотники аккуратно перешагнули через него.

– Не задень! – предупредила Эйрис. – Он выдыхает яд, лишаящий сил.

Несмех с опаской посмотрел на растение.

В десяти шагах впереди тропа обрывалась. Судя по цвету растительности, синему с коричневым, там был овраг. Или ущелье.

Эйрис сделала знак шедшему впереди: остановись!

Девушка отстегнула клапан и понюхала воздух.

– Здесь, – сказала она.

И, к удивлению Несмеха, сопровождавшие их Охотники, кивнув поочередно девушке и конгаю, разомкнули кольцо. Построившись цепочкой, они развернулись и двинулись обратно.

Минута – и они исчезли, растворившись в буйстве красок Вечного Лона.

Охотники ушли. Несмех посмотрел на Эйрис. У девушки был вид ищущего след пса. Наконец она удовлетворенно щелкнула языком и застегнула клапан капюшона.

– Дальше мы пойдем одни! – Голос Эйрис приглушала шелковая ткань.

Несмех напряженно озирался вокруг. Ему чудились тысячи опасностей.

Но Эйрис уже нырнула под длиннущую, в моховой бороде ветку лесного исполина, и Несмеху осталось только последовать за ней.

Шли напрямик. Никакой тропы, никакого следа, по которому конгай мог бы угадать направление. Но Эйрис явно знала, куда идет. Они двигались быстро. Молодая поросль и кустарник исчезли совсем, а трава была невысока: ей приходилось пробиваться сквозь слой постоянно опадающей листвы. Кое-где ветви исполинских крон деревьев одного вида срастались, образуя живые арки. Никогда лучу солнца не удавалось достигнуть здешней земли. Разве что рухнет один из великанов, открыв изрядный кусок раскаленного неба. Ненадолго. Могучие жизненные силы Вечного Лона быстро закроют брешь.

Несмех перепрыгивал через ползучие лианы, уворачивался от свисающих сверху ростков-шупалец, на всякий случай старался держаться подальше от многочисленных грибов. Когда он прошел слишком близко от куста-ползуна, растение попыталось воткнуть ему в спину ядовитый шип. Но острое лишь скользнуло по плотной ткани куртки.

Иногда Несмеху казалось: он видит какие-то большие тела, бесшумно скользящие между черных стволов. Но, присмотревшись, юноша каждый раз убеждался: то лишь игра света или шевеление какого-нибудь растения.

Рассказывая о Лоне, его наставница сказала, что черное одеяние Охотника внушает почтение небольшим хищникам, а больших в джунглях не так уж много. Из тех, что охотятся днем.

– Вряд ли на тебя не будут нападать чаще, чем два в час! – уверила его девушка.

– Спасибо, мне довольно и этого! – отозвался конгай.

Но Эйрис была права: не животные, а растения представляли бо€льшую опасность.

«Если ты не пахнешь страхом, ни один зверь меньше тебя размером не решится напасть! Если боишься – десятка крыс довольно, чтобы взять твою жизнь!»

Несмех не боялся, но был весьма далек от того, чтобы ощущать себя уверенно. Да, он неплохо владел широким мечом Охотника и даже мог послать стрелу в голову бегущей крысы в надежде, что не промахнется больше, чем на ладонь. Но Пурпурный Стрелок бросает семенострелы с не меньшей точностью, а клюв бегающей на двух ногах ящерицы манк одним ударом раскалывает череп кугурра.

Трехцветная медовница опустилась на край огромного, лилово-желтого цветка. Летающее создание было так грациозно, что юноша невольно замер. Лазурное, как морская волна, горлышко летунии пульсировало, пока алый язычок плясал, собирая нектар. Несмех не мог оторвать от нее глаз. А когда наконец, взбежав на изящных пальчиках, медовница оттолкнулась от края цветка и вспорхнула, Несмех обнаружил, что больше не видит Эйрис. Поначалу это не слишком обеспокоило юношу. Ускорив шаг, он направился туда, где в последний раз видел ее черный силуэт. Он шел очень быстро, но девушки не было. Когда же он решился позвать ее, то сообразил, что она, может быть, слишком далеко и не слышит.

Оставшись один, Несмех не испугался. Он был уверен: как только Эйрис заметит его отсутствие, она тотчас вернется. Поэтому лучше всего ему остаться на месте и ждать. Так Несмех и поступил. Прислонившись спиной к стволу толстого дерева, он огляделся. Ему в диковинку было даже просто стоять здесь, в джунглях. Обычно Охотники все время двигались. У них всегда была какая-то цель.

Как только юноша остановился, мелкая живность совершенно перестала обращать на него внимание. Нахальные крабы бегали по сапогам. Толстая оранжевая жаба плюхнулась сверху прямо на голову и, не удержавшись, свалилась вниз, на спину пробежавшей крысы. Та шарахнулась, а потом, мгновенно сориентировавшись, вцепилась в тощую оранжевую ногу нежданной жертвы. Жаба была вдвое больше, но полосатая хищница в полминуты прикончила ее и принялась пировать. Впрочем, не успела она проглотить и пары кусочков, как три ее сородича и два больших черных краба явились потребовать свою долю.

– Тилод!

В первый раз Несмех даже не обратил внимания на зов. Он уже позабыл имя, которое дала ему мать. Да и кто, кроме Эйрис, мог позвать его? А Эйрис позвала бы иначе. Но справа от него вновь отчетливо раздалось:

– Тилод!

Женский голос. Юноша огляделся. Потом обогнул дерево.

– Тилод!

Определенно женский голос. Нежный. Лукавый. Он доносился из зарослей высокой красной травы. Несмех смутно помнил – такие места считаются опасными. Не из-за самой травы, но из-за того, что могло в ней скрываться. Сейчас поверхность ее волновалась.

Угроза? Несмех колебался. И нежный женский голосок опять окликнул его:

– Тилод!

В Лоне так: если ты не знаешь – избегай! Несмех помнил это, но голос был так слаб и так нежен. И так похож на голос Эйрис, такой, каким он хотел бы...

«Вдруг она там, в траве?» – подумал юноша. Отчасти он осознавал, что пытается обмануть сам себя, но: «Вдруг она попала в беду, не может выйти, не может даже подняться...»

Несмех приблизился к краю травяного круга. Красные тонкие стебли поднимались до подбородка юноши.

«Я буду осторожен!» – попытался он успокоить себя. И, вынув из ножен меч, принялся прорубать путь.

Стебли были мягкими. Каждый взмах освобождал полукруг в три локтя шириной. Взмах – шаг, взмах – шаг. Несмех без труда пересек травяное пятно, оставив в нем широкий проход. И лишь в тот миг, когда меч подсек последние стебли, юноша увидел ее.

Она стояла в каких-нибудь десяти шагах. У нее были пушистые волосы цвета заходящего солнца. И кожа желтая, как у жителей Тайдуана. И глаза тоже по-тайски немного раскосые. Опустив меч, Несмех, уставился на изящную фигурку. Чудесная девушка, со смущенной полуулыбкой, вновь произнесла-пропела:

– Тилод!

Голос ее был голосом любимой, которая встречает тебя после долгой разлуки:

– Тилод!

У юноши перехватило дыхание от восхищения и нежности.

Бедро ее обнимала юбка, сплетенная из цветов. Маленькие босые ступни стояли прямо на траве. (Несмех с ужасом подумал о тысяче смертей, готовых разорвать нежную золотистую кожу.) Он невольно сделал шаг вперед, а девушка – назад, отчего ее круглые груди вздрогнули и соприкоснулись.

– Ты пойдешь со мной? – Такая несбыточная надежда, такой зов и такая нежность были в ее голосе, что Несмех, забыв обо всем, судорожно кивнул и сделал еще один шаг.

Девушка протянула ему маленькую ручку. Она уже наполовину повернулась, но все еще смотрела сияющими темными глазами в глаза юноши, когда твердые, как когти, пальцы вонзились в плечо Несмеха.

Рот девушки приоткрылся, показав белые блестящие зубки с чуть выступающими остренькими клыками. Она опять повернулась к юноше. Ее маленькая ножка оторвалась от земли, чтобы сделать шаг к Несмеху...

Юноша ничего не успел сообразить. И не успел ничего предпринять. Слава богам! Он собирался ударить схватившего мечом, но не успел, а потом из-за его спины вынырнула рука в черной перчатке, и рука эта сжимала тяжелый изогнутый меч Берегового Народа:

– Не шевелись! – тихо произнес за спиной Несмеха голос Эйрис. И громче, той, золотокожей: – Только подойди – и я убью его!

Золотоволосая еще раз позвала:

– Тилод!

Пальцы Эйрис больно сдавили его плечо. Он не шевельнулся. Он и сам уже начал ощущать опасность, исходившую от маленькой красавицы.

И, поняв, что нет, он не пойдет, девушка вскинула маленькую головку, повернулась и, покачивая круглыми ягодицами, скрылась между деревьев.

Несмех заметил, что лесная живность освобождает ей путь так же, как уступала дорогу Натро при подъеме на вершину водопада.

Эйрис разжала пальцы. Юноша услышал ее облегченный вздох.

– Один из них все время шел за мной! – сказала она. – Я думала – это ты, а когда заметила разницу – была уже далеко.

В отличие от Эйрис, Несмеха неожиданное приключение только развлекло.

– Кто она? Из какого народа? – поинтересовался он. – Вот не думал, что в Гибельном лесу живут такие прелестные...

Глаза Эйрис сузились, и Несмех осекся – наставница не на шутку рассердилась.

– Ты – глупец! – В ее голосе была такая ярость, что Несмех невольно поднял руку: ему показалось – сейчас она его ударит!

– Она – из Рожденных-в-Тумане! Тех, кто приходит к слабым и уводит их навсегда. Мы не трогаем ее народ, не хотим их мести! Но Слушающий говорит: наши пути пересекутся. Они живут в Лоне и не боятся Лона! Лона боится их! Даже глупые ползуны стараются убраться с их пути!

– Но она выглядела совсем как женщина! – воскликнул Несмех. – И очень красивая женщина!

Эйрис передернула плечами:

– Они могут принимать любой облик! Тот, кто однажды позвал меня, был похож на моего отца! – и – уже другим тоном – поинтересовалась: – Она показалась тебе красивой, чем я?

– Чем ты? – Несмех искренне удивился. – Нет, – и уверенно: – Нет! Конечно, нет! – Он улыбнулся, забыв, что под клапаном не видно его лица, только глаза.

Но девушка догадалась, что он улыбается.

– Я рассердилась на тебя, Большой! Но ты виноват не больше, чем я сама! Прости меня! – Она приблизилась к нему вплотную и провела ладонью по груди Несмеха. – Ты ничего не знаешь о них! Я не должна была оставлять тебя одного. Будь мы вдвоем, Рожденная-в-Тумане не позвала бы тебя!

– Откуда она знает мое имя?

– Они умеют заглядывать в мысли!

– Эйрис! Скажи, ты действительно убила бы меня, если бы она подошла?

– Не знаю... Должна была убить... Но она не подошла! – Эйрис отодвинулась от него.

– Кстати, – заметил Несмех. – Ты не забыла, где мы?

Из-под клапана раздался приглушенный смех:

– Не бойся! Я начеку!

Они снова двигались сквозь джунгли. К цели, неведомой молодому конгаю. Почти час шли без особых приключений. Если не считать мгновения, когда с пересекающей тропку ветви свесилась широкая плоская голова на длинной пятнистой шее. Несмех едва успел различить в листве массивное туловище, как Эйрис уже вскинула руку: маленький серпик, вертясь, просвистел в воздухе и вонзился в выпученный желтый глаз. Чудовище сердито заурчало, и голова тут же исчезла в листве.

Несмех почти привык к Вечному Лону, перестал ждать от него подвоха. Гибельный лес оказался не таким уж страшным. Конгай наслаждался, любясь причудливостью форм и бешенством красок. Ему, зодчему, каждый неожиданный изгиб древесного ствола казался чудесным.

Он так увлекся, что едва не толкнул в спину резко остановившуюся Эйрис.

Девушка подняла вверх указательный палец: молчи!

Нижние, в два обхвата, покрытые черной шероховатой корой ветви простирались у них над головами параллельно земле. Вертикальные побеги с венчиками голубой листвы вырастали из них, тянулись к невидимому солнцу.

Несмех застыл на месте, вглядываясь в полумрак, но не увидел ровно ничего. Рука Эйрис заставила его пригнуться к земле.

Они перебрались на десять шагов левее, к стволу ближайшего исполина.

– Что? – шепнул Несмех на ухо девушке.

– Там, – прошептала Эйрис, указав направление кивком головы.

Вначале Несмех по-прежнему ничего не видел, кроме чередования цветных пятен. Потом на расстоянии примерно сорока шагов разглядел нечто, показавшееся ему древесным стволом причудливой формы, темно-коричневым стволом с зелеными пятнами, беспорядочно разбросанными по гладкой коре. Юноша перевел взгляд выше и вдруг заметил блестящий желто-зеленый глаз с черным пятном зрачка. И тут, словно по волшебству, из массы цветных теней возникла круглая, похожая на обтесанный валун, голова, зеленая, глянцевая, с ярко-алыми розеткоподобными пятнами, издали выглядевшими как раскрывшиеся цветы. Голова была в десяти локтях над землей. На складках толстой шеи цвет зелени переходил в темно-коричневый. Верхние конечности, принятые Несмехом за расходящиеся ветви, были в обхват толщиной.

Огромный глаз, казалось, смотрел прямо на Несмеха.

Хорахш!

– Он видит нас? – шепотом спросил юноша.

– Надеюсь, нет!

– Как он огромен...

– Что ты! Совсем маленький. Это плохо. Будь он большим и старым, вряд ли обратил бы на нас внимание.

Маленький? Несмех чувствовал себя чем-то вроде крысы, ненароком сунувшейся в логово леопарда.

– У него хороший слух?

– Так себе. Но шуметь не стоит. Не шевелись. Может, он нас не заметит. Сейчас день, днем хорахш охотится редко. Если не учует...

– Я едва не принял его за дерево..

– Еще бы! Не будь он так похож на дерево, ему нелегко было бы охотиться.

– Да уж. Такой туше нужно много мяса. Он, вероятно, не слишком поворотлив?

Эйрис беззвучно рассмеялась.

– Быстрее кугурра, – прошептала она. – Самый отважный из нашего народа не станет сражаться с ним. Хорахш – это смерть!

Ящер застыл, будто высеченный из камня. Массивная голова сливалась с кронами деревьев. Широко расставленные, чудовищно толстые задние лапы вросли в землю черными изогнутыми когтями. Могучий хвост обернулся вокруг ствола. Закругленный кончик его, повисший в воздухе, как побег зеленой лианы, не шевелился.

– Долго нам ждать? – спросил Несмех.

– Не знаю, может быть, несколько часов. Если мы попробуем уйти, он наверняка нас заметит.

– Несколько часов? Выждать, пока стемнеет...

– Большой! Когда стемнеет, он сразу увидит нас! В темноте он намного лучше видит живое! Свет ему мешает.

– Как так может быть?

– Не знаю! Нам надо уйти отсюда до темноты!

– Может, взобраться на дерево?

– Ты не успеешь! Сорок шагов для хорахша – один прыжок. Шевельнись – и ты у него в зубах! Подожди! Время еще есть. Может, появится кто-то, кем он заинтересуется... Или заснет. Мы увидим, если он закроет глаз. Пока остается только ждать.

И они ждали. Прижавшись к толстым, выступающим из земли корням лесного великана, Несмех позавидовал крабам: тем было наплевать на огромного хищника.

Хорахш качнул тяжелой головой. Пасть его приоткрылась, из нее выскользнул толстый мокрый черный язык и смахнул крупную древесную лягушку, ползшую по стволу. Пасть захлопнулась, белая пленка задернула желто-зеленый глаз.

– Попробуем! – Эйрис осторожно приподнялась.

И тут переменялся ветер.

Несмех увидел, как ноздря ящера превратилась из узкой щели в круглую дыру. Огромная голова резко дернулась. Теперь оба глаза смотрели на них. Эйрис застыла, но сейчас это уже не имело значения.

Хорахш их увидел!

– Бежим, пока он не напал! – взволнованно прошептал конгай.

– Бесполезно! – Эйрис сказала это в полный голос. Больше не имело смысла прятаться.

– Чего он ждет? – нервничая, спросил Несмех.

– Ждет, когда мы побежим! Но если мы не сдвинемся с места, он все равно нападет! –

Голос девушки был абсолютно спокоен и лишен эмоций. Несмех знал: когда она говорит так, то предельно сосредоточена.

– Мы будем драться?

– Ни тебе, ни мне с ним не справиться!

– А на дерево? – спросил Несмех. – Ты успеешь взобраться на дерево?

– Я отвлеку его! – очень медленно Эйрис принялась поднимать лук. – А ты попробуй...

Щелкнула тетива, и огромная голова чудовища шевельнулась. Стрела, направленная в круглый глаз, попала в алое пятно рядом с ним. И застряла в глянцевой коже, войдя не больше чем на глубину наконечника. Стрела, с пятидесяти шагов прошибающая доску в четыре пальца толщиной.

Туловище ящера упало вперед, огромная пасть распахнулась. Из пульсирующей черной глотки вырвалось оглушительное шипение. Хвост взвился вверх, ударив содрогнувшуюся ветвь.

Эйрис толкнула Несмеха, отбросив его вправо:

– Лежи!

А сама метнулась в другую сторону. Выхваченный меч полыхнул в ее руке.

Несмех не успел коснуться руками земли, а клыки ящера уже ободрали кору там, где он только что стоял.

Конгай обдало горячим вихрем. Он вжался в почву. Он был так близко к чудовищу, что хорахш мог слизнуть его, как только что слизнул лягушку.

Но с другой стороны была Эйрис.

Хорахш не был обескуражен «исчезновением» добычи, как случилось бы со змеей или ящерицей. Нет, ящер отлично видел их обоих. Хвост, огромный противовес, метнулся вправо, едва не задев Несмеха. Ящер молниеносно развернулся и бросился на девушку. Но Эйрис опередила его. Она высоко подпрыгнула, ухватилась руками за ветку в трех локтях над ее головой, подтянулась, перевернулась, походя рубанула привязанным к кисти мечом и оказалась на другой ветви, в двенадцати локтях над землей.

Балансируя руками, она помчалась к более тонкому концу, собираясь перепрыгнуть на другое дерево. Но успела пробежать лишь несколько шагов.

Голова хорахша ударила по основанию ветви и толчок сбросил Эйрис вниз. Все же она сумела, ухватившись рукой за побег, замедлить падение. И ящер щелкнул зубами чуть раньше, чем Эйрис оказалась в его пасти.

Девушка плашмя упала на широкую морду с двумя раздувшимися ноздрями. Голова хорахша дернулась, стяхивая, вернее, подбрасывая ее вверх, как пес подбрасывает пойманную крысу, чтобы ухватить поудобней.

Но мигом раньше Эйрис изо всех сил вогнала меч в ноздрю ящера!

Рев хорахша был ужасен. Несмех обхватил голову руками, заткнул уши: ему показалось – он навсегда оглох.

Меч застрял в ноздре! Эйрис все же успела отстегнуть ремешок и прыгнуть на землю прежде, чем ее достали передние лапы хорахша.

Ящер зацепил когтем рукоять меча и выдернул его из ноздри. Даже у человека это не получилось бы быстрее!

Эйрис, со вздымающейся грудью, застыла в пяти шагах от лежащего на земле Несмеха.

– Не вставай! – крикнула она юноше. И метнулась прочь, когда лапа ящера отбросила казавшийся совсем крохотным меч.

Несмех ничем не мог ей помочь. Хорахш убил бы его прежде, чем юноше удалось бы сделать шаг. Конгай догадался: не будь его – Эйрис сумела бы укрыться в ветвях. Значит...

Несмеху потребовалось несколько мгновений, чтобы набраться мужества. Он остро ощущал каждое движение Эйрис. Пока она стояла рядом, Несмех невольно «включился» в ее дыхание – так, как это уже случилось с ним однажды. Он принял решение, и одновременно с этим восприятие его обрело иной ритм.

Он увидел, как Эйрис, сильно отталкиваясь от земли, бежит от него, увидел, как медленно поворачивается круглая массивная голова хорахша, как приходит в движение темно-коричневое туловище, как огромные крючья когтей вспарывают почву, сгибаются толстые задние лапы... А потом распрямляются – и невероятная масса поднимается в воздух (удивительное зрелище: как будто взлетает дерево!). Эйрис бежит – длинные плавные прыжки, все медленнее и медленнее – сгибает колени, отталкивается от земли, вытянувшись струной, взлетает вверх – веревка с крюком – над головой. Двойной крюк скользит по толстой ветке, цепляется за сук, веревка натягивается, Эйрис повисает на ней, раскачиваясь маятником...

Растопыренные лапы ящера ударяют в землю – почва вздрагивает...

Эйрис, раскачиваясь, перехватывает веревку руками, карабкается вверх...

Туловище ящера продолжает двигаться, голова тянется к Эйрис. Рядом с этой головой тело девушки кажется совсем тоненьким, как у медовницы...

Она поднимается выше, но ящер вытягивает шею, которая все удлиняется, удлиняется... Толстые ноги еще раз толкают почву, гигантское тело повисает в воздухе, а шея – становится длиннее, длиннее... Громадная пасть распахивается и смыкается под самыми ногами девушки. Эйрис уже касается ветки. А чудовищная масса начинает падать вниз...

И вслед за ней падает Эйрис! Паутинный трос оказался в зубах чудовища, и оно мгновенно сорвало зацепившийся крюк.

Почва опять вздрагивает – лапы хорахша обрушиваются на нее. И еще раз – когда падает на землю толстенный, как ствол дерева, хвост.

И мигом позже всего в нескольких шагах от коричневой огромной лапы, сброшенная с высоты пятнадцати локтей, падает Эйрис.

Глыбоподобная голова поворачивается влево и вниз, туловище наклоняется, передняя лапа растопыривает сжатые в «кулак» пальцы с черными, в локоть длиной, загнутыми когтями. Кажется, сейчас накроет...

Но Эйрис в сознании. Она откатывается в сторону – и страшные когти лишь вырывают пласт дерна. А хорахш уже навис сверху. Несмех видит, как медленно вытягиваются его перед-

ние конечности и он ловит ими уворачивающуюся Эйрис. При этом пасть ящера приоткрыта в чудовищном подобии ухмылки. Несмех видит все очень четко: как скользят по паутинной ткани острые концы когтей, видит искаженное лицо Эйрис под полуоторванным клапаном капюшона...

Все происходит совершенно беззвучно и так медленно, что кажется неестественным. Только умом, не чувствами, юноша осознает происходящее. И откуда-то снаружи, словно кто-то подсказывает, приходит мысль: ты можешь вмешаться!

Чувства конгая противятся: все так похоже на иллюзию!

Кривой острый коготь цепляется за поясной ремень Эйрис, поднимает ее, несет вверх, навстречу медленно раскрывающейся пасти... Белые, тусклые клыки и влажный поток слюны на скошенной челюсти...

Эйрис неторопливо изгибается, руки и ноги ее описывают плавные круги – так красиво!

Ум говорит Несмеху, что она бьется сейчас, как рыба, подцепленная копьём, но – такие грациозные движения!

Если бы не слюна, повисшая на красно-зеленой морде...

И ей все-таки удастся сорваться! Эйрис медленно спускается вниз, раскинув руки. Как бы летит...

А державшая ее лапа все еще движется вверх, к раскрывающейся пасти. Пока хорахш не замечает, что добыча сорвалась. Замечает он это прежде, чем Эйрис касается земли. «Игра» возобновляется.

«Так медленно! – думает Несмех. – Я мог бы... Что?.. Сначала ее, потом – меня», – мысли путаются. – «Сначала – ее!» Тело само приходит в движение. Трудно! Чтобы просто поднять руку – нужно преодолеть чудовищное сопротивление. Сама рука становится непослушной. Несмех – будто в густой вязкой жидкости. Тяжело, но он встает, он уже на ногах.

«Нужно его отвлечь!»

У Несмеха много времени, очень много. Он бежит, и бег его похож на бег по горло в воде. У него сколько угодно времени, чтобы думать!

Он поднимает руку, забрасывает ее за спину и выхватывает меч. (Выволакивает – вот верное слово!) Меч кажется игрушечным в сравнении с чудовищем.

«Им не прорубить такую шкуру!» Несмех вспоминает об «увязшей» стреле. Она, должно быть, все еще торчит рядом с глазом хорахша?

Несмех успевает передумать о множестве вещей, пока, преодолевая сопротивление воздуха и собственного тела, пробегает-проплывает сорок шесть длинных шагов...

И не успевает! Морщинистая цепкая лапа все-таки смыкается на теле девушки, сдавливает ее и уносит вверх...

Несмех совсем близко от середины толстого, по пояс юноше, медленно отодвигающегося хвоста. Скорее от беспомощности, чем по разумному решению, он поднимает упрямо сопротивляющийся меч и опускает его вниз, на живой, обтянутый чешуйчатой кожей могучий «ствол».

Меч рвется из рук, но Несмех удерживает его, тянет к себе и вниз изо всех сил. Лезвие, описывая полукруг, касается темно-коричневой гладкой кожи. Несмех (он словно во сне) какое-то время не верит, что лезвие может повредить эту отливающую металлом плоть. Но клинок входит в нее без всякого сопротивления, беззвучно – ладони Несмеха не чувствуют удара, только – вырывающийся из рук эфес.

Несмех продолжает тянуть его к себе, и лезвие, как раскаленный нож в куске жира, прорезает в теле ящера щель в локоть глубиной. Прорезает и выскакивает. Несмеху требуются все силы, чтобы удержать рукоять.

Сквозь ватную плену, забившую уши, доносится какой-то звук. Несмех догадывается, что это за звук. Ревет хорахш.

Идеально ровный разрез: темная кожа в ладонь толщиной и розово-серое мясо – заполняется густой бурой массой, бугром поднимающейся над раной. Кровь ящера.

Несмех оборачивается и видит – голова хорахша уже движется к нему. Чудовище все еще держит девушку в коричневой лапе, но забыло о ней. Распахнутая пасть опускается на конгай сверху. Да так быстро, что ему приходится напрячь все силы, чтобы, преодолев сопротивление среды, вовремя отодвинуться. Желтые клыки смыкаются в локте от Несмеха. Конгай видит окровавленную ноздрю, в которую при желании можно свободно просунуть руку. И выпуклый внимательный глаз размером с блюдо. Несмех медленно поднимает меч.

Пасть еще раз распаивается и закрывается, словно хорахш не может понять, куда делся человек.

Утяжеленное острое клинка – над головой Несмеха. Морда ящера – на расстоянии вытянутой руки. Глянцевая кожа разделена на правильные многоугольники чешуй. Блестящий желтый с прозеленью глаз. Клинок опускается вниз и проводит белую черту на влажной склере.

На сей раз Несмех слышит довольно громкий звук. Голова-валун уходит вверх. А две когтистые лапы тянутся к юноше.

«Он выпустил Эйрис!» – радуется Несмех.

Уцелевшим глазом хорахш смотрит на него. Растопыренная лапа приближается, и Несмех ударяет по ней мечом, разрубая сморщенную кожу и заставляя хищника отдернуть лапу.

«Как это, оказывается, просто!» – думает он.

Рядом с ним – могучая нога с узловатым толстым противостоящим пальцем. Коготь не касается земли. Несмех видит толстые жилы, натянувшиеся под испачканной грязью кожей. Меч опускается и отскакивает, едва не вырвавшись из рук. Но кожа рассечена. Под ней, в быстро расширяющемся разрезе, – розовые сухожилия. Словно переплетенные канаты.

Несмех видит (мельком) лежащее в стороне скорчившееся тело Эйрис. Конгай еще раз поднимает неповоротливый меч, двумя руками рвет его вниз, на себя, почти повисает на нем... Клинок едва не проходит мимо, но все же широкое окончание цепляет сухожилие и надрезает его. Волокна, похожие на скрученную, в палец толщиной, паутину, лопаются. Разрубленная жила начинает уползать вверх, под кожу. Лопаются вторая жила, третья...

Что-то касается головы Несмеха. Что-то горячее. Юноша поднимает голову и видит прямо над собой надвигающуюся, накрывающую его пасть с мечеподобными зубами, пульсирующей глоткой, толстым языком, по которому струятся ручейки слюны. Он ничего не успевает сделать: пасть хорахша опускается, зубы верхней челюсти уже давят на спину... Смердная пещера смыкается вокруг. Несмех поднимает непослушный меч, упирается в черный просвет между зубами нижней челюсти. Он задыхается, он очень устал. Пытается вырваться, но тело не хочет подчиняться. Ему не успеть! Зубы скребут по спине, почему-то вверх. Несмех выворачивается, рвется... Все его тело – как в липкой массе. По капюшону, по пленке, закрывающей глаза, ползет слюна ящера. Несмех напрягается изо всех оставшихся сил. Острие нижнего клыка у самого лица... Верхний клык упирается в затылок Несмеха, нажимает, проминает его... Несмеху кажется: клык уже входит в его мозг...

Дикая боль...

Конец...

* * *

Темнота. Вязкая, текучая, липкая и – пустая. Ничего нет. Никого нет. Есть – тьма. Безразличная и бесплотная. И всепоглощающая... Не всё: тусклый, крохотный, бесцветный огонек. Ничего не освещает, никого не зовет. Мёртв. И мрак вращается вокруг него. Почему?

Он не должен двигаться! Он должен быть ничем, никем. Неподвижным и бесплотным. Но он вращается. Потому, что в нем движется голос. Бесцветный, бессветный, бесплотный голос.

Дом, доу, вау...

Нездешний, голос, не от нее, не от тьмы. Но он – из нее. Потому что тьма здесь – единственное сущее. И он – из нее. Но – извне. Как и розовый огонек, крошечный прокол в обволакивающей угольной ткани.

Дом, доу, вау...

Звук толкает, прикасается, движет... Значит, есть нечто, некто... И оно, он – не из мрака. Потому у огонька появился цвет. Потому что есть – он!

*Дом, доу, вау,
По реке поплыву...*

Да? Да! Слова! Они – не отсюда. Но они входят в оставленную звуками щель. И она ползет, расширяясь, раскрываясь, растягиваясь...

*Дом, доу, вау!
По реке поплыву,
По Зеленой Реке
Со свирелью в руке
Золотые цветы соберу...*

*Дом, доу, вау.
Цветы соберу
На венок золотой
Со живою звездой,
Звездой, что угаснет к утру.*

*Дом, доу, вау!
Венок золотой
Со живою звездой,
Со мною самой
Тебе подарю —
И умру.*

*Дом, доу, вау,
Дом, доу, вау,
По Зеленой Реке поплыву...*

«Я умер! – думает он. И она тоже умерла. Нижний Мир! Вот он какой! Как легко! А умирать не страшно. Только больно. У меня больше нет тела (думает он). И у нее нет тела. Огонек! И – Дом, доу, вау...» Вот он какой, Нижний Мир...»

Голос стихает.

«Не умолкай – думает он. – Ты нужен мне!»

Но голос прячется. Только розовый тусклый огонь, который ничего не освещает...

Слабый свет пробивается через опущенные веки. Он пробует открыть глаза – но не может. Он чувствует что-то на лице. Хочет шевельнуть рукой – руки нет.

– Не двигайся! – ласковый голос.

– Эйрис?

– Молчи! Тебе нельзя говорить, двигаться, смотреть! Еще долго, Несмех! Еще долго...

– Это ты пела? – спрашивает он. Думает, что спрашивает.

– Спи, Несмех! Спи! – Он чувствует ее руку на лбу.– Спи!

Снова тусклый свет и ее голос:

– Что? – сколько он спал? Долго! Зато появилось лицо. Его лицо: нос, рот, глаза, губы...

– Ты можешь говорить.

– Что со мной?

– Ты едва не ушел, Несмех!

– Ушел? Что было со мной, Эйрис?

– Потом, Несмех! Ты устанешь!

– Это ты пела?

– Я, Несмех! Звала тебя, чтобы ты... Спи, Несмех, спи...

– Доброе утро, Большой!

Как славно лежать не двигаясь! Как славно быть собой, чувствовать свое тело, руки Эйрис, касающиеся кожи. Не хочется шевелиться, но хочется открыть глаза. Он открывает их и видит над собой легкую желто-зеленую крышу из переплетенных стеблей тростника. Такую же, как в доме, где он родился... Он не в пещере!

– Где я? – спрашивает и удивляется слабости своего голоса.

– Не тревожься! – Лицо Эйрис. Золотисто-коричневое. Гладкая кожа покрыта светлым пушком, чуть более густым в уголках рта и в ямке под нижней, немного оттопыренной губой.

– Эйрис! – с нежностью произносит он и улыбается.

Рука девушки приподнимает его голову, подносит к губам чашу с прохладным, розовым, кисло-сладким напитком. Край чаши изнутри покрыт орнаментом неведомого Несмеху письма. Крохотные капельки влаги задержались в штрихах резьбы. Рука Эйрис крепко и бережно сжимает его затылок до тех пор, пока чаша не пустеет.

Откинувшись на мягкую(!) подушку, он вдруг замечает: стоит подольше посмотреть на что-нибудь: письмена на чаше, тростниковые стебли на потолке, маленькую грудь Эйрис, сиреневого краба, бегущего по стене, – и то, на чем останавливается взгляд, приближается, увеличивается в размерах.

«Это мне знакомо», – думает Несмех. – Откуда?»

Ему снились сны. Удивительные сны, в которых было его прошлое и его будущее. Живые видения. Что-то очень важное... Но нет, он не помнит ничего!

– Тебе лучше? – говорит Эйрис.

– Мне – очень хорошо! – Он радуется, но счастье его омрачено: он забыл что-то важное.

– Я расскажу тебе о том, что было.

– Ты – знаешь? – Нет, он не произносит вслух, просто думает. Надо смириться с тем, что он – забыл!

Эйрис откидывает край одеяла и ложится рядом, обнимает, придвигает его большую голову к своему плечу. По тому, как она это делает, Несмех догадывается: и ложе его, и соприкосновения их тел привычны девушке.

– Ты прогнал его! – говорит она.

«Нет, она не знает!» – разочарованно думает Несмех.

– Ты прогнал его! Ты был стремительней демона! Даже я видела лишь тень твою и то, что оставлял твой меч!

«О чем она? – удивляется Несмех.– Ах да!» Но это было так давно. Сколько жизней назад?

– Ты напугал его, Большой! До смерти напугал!

– А я думал – он убил меня! – вспоминает Несмех.– Он схватил меня...

– Я видела! Но ты ускользнул! Ускользнул, а он убежал! На трех лапах! Как крыса! – Ее жаркий восторженный шепот обжигает ухо.

– А что было потом? – спрашивает он.

– Ты отдал всю свою силу! – сокрушенно произносит Эйрис.– Жизнь оставила тебя, и ты стал беспомощней новорожденного щенка. А я... Я взяла меч и села рядом с тобой. Но прежде послала зов. Хотя не надеялась, что меня услышат: я... мне тоже досталось.

Эйрис тихо засмеялась, хотя Несмех не находил в сказанном ничего смешного.

– Я сидела рядом с тобой и ждала: кто придет? Кого Вечное Лоно пошлет взять наши жизни?

Никто не приходил. Но солнце уже коснулось гор, я чувствовала это. И сумерки сгущались. И тишина была вокруг такая, какая бывает в Лоне лишь перед приходом темноты.

Сумерки сгущались, и я услышала треск ломающихся ветвей. Подумала: кто-то из детей Лона идет на запах крови!

А это был краурх. Наш краурх! И девять Охотников. Слушающий послал их за нами. До него дошел мой зов, благодарение богам! А потом мой зов дошел до тебя – и ты вернулся!

– Я привык приходить на твой зов! – сказал Несмех.– Я ведь твой ученик!

– Да! Но уже ненадолго! – Девушка погладила его по щеке.

– Эйрис? – спросил Несмех.– А куда мы шли?

– Позже, Большой! Ты узнаешь об этом позже! И скоро! Потому что мы пойдем еще раз!

– Разве этот хорахш был последним в джунглях?

– В Лоне, Большой! В Вечном Лоне! Нет! Но разве это важно?

– Когда же мы отправимся?

– Как только сила вернется к тебе! У нас не много времени: благоприятный срок кончается!

– Ты любишь загадки! Спой мне песню, которой ты позвала меня из Нижнего мира!

– Нельзя, Большой! Ее поют только один раз в жизни, и услышать ее можно лишь один раз.

– Да? А мне кажется, я ее уже слышал прежде!

– Не ее, другую. Хочешь, я спою тебе балладу о Солнечном Вестнике?

– Пой что хочешь! Мне важно, что поешь – ты!

* * *

И вновь они шли вдвоем по сумеречному Лесу. Они миновали место, где Несмех выиграл битву с хорахшем. Битву, едва не стоившую ему жизни. Они углублялись все дальше и дальше в мрачную глубину. И с каждой пройденной милей стволы деревьев становились все толще, а полумрак – гуще. Там, наверху, солнце не прошло и двух третей дневного пути, но даже отблеск луча его не прорывался сквозь тысячелистные крыши. Влажный, теплый, удушливый воздух отдавал Топью, хотя почва под ногами была суха. Суха и упруга от множества павших, слежавшихся, спрессованных собственной тяжестью листьев. Здесь была особая часть Вечного Лона. Недра его. Ни подвижных лиан, ни вездесущих медовниц. Даже суетливая мелочь под ногами куда-то пропала. Зато повсюду попадались огромные слизи, оставляющие влажные полосы в гуще синих и фиолетовых мхов. И косматые бороды, свешивающиеся с нижних вет-

вей, здесь росли гуще и длиннее. А сами ветви были полностью лишены листвы. И звуки были здесь другие. Булькающие.словно внутри огромного теплого брюха.

Эйрис уверенно шла впереди. Время от времени она быстро оглядывалась: убедиться, что именно Несмех идет за ней.

Молодому конгаю расхотелось смотреть по сторонам. Ярчайшие краски джунглей стали серыми, тусклыми. Никто больше не нападал на людей, никто ими не интересовался. Некому. Одни лишь вялые слизни да пучеглазые застывшие лягушки. И усиливающийся запах гнилой Топи. Толстые черные петли лиан спирально уходили вверх по необъятным гладким колоннам стволов.

Несмех смотрит на аккуратно ступающие ноги Эйрис, на прогибающуюся под ее весом старую сплюснутую листву. Потом на свои ноги, так же аккуратно ступающие, в узких прочных сапогах. Он оглядывается и видит вмятины – свои собственные следы.

Эйрис замедляет шаг. Она отстегивает клапан капюшона и втягивает носом воздух. Несмех делает то же, и его ноздри улавливают слабый, но очень заманчивый аромат.

Эйрис оборачивается.

– Уже близко! – говорит она. И снова быстрым скольльзящим шагом идет впереди Несмеха.

Запах становится сильнее. Но юноша не в состоянии определить его. То он похож на запах вянущих цветов, то на аромат дорогого вина, то в нем ощущается дым благовоний...

И вот Несмех видит источник запаха. Юноша невольно замедляет шаг. Цветок! Он замечен издали. И не только потому, что деревья растут здесь очень редко. Цветок огромен: два размаха рук. И он светится!

Несмех замедляет шаг, но Эйрис – прибавляет. И конгаю приходится бежать, чтобы догнать девушку. Теперь он видит еще один цветок, такой же, с лепестками, наполненными изнутри нежным зеленым свечением. А потом третий, четвертый. Они уже в двадцати шагах от первого цветка...

Эйрис останавливается и поднимает руку: стой! В ее правой руке – меч. Несмех, еще не зная опасности, тоже вынимает оружие. Цветы буквально завораживают его, безумно хочется подойти, коснуться нежных лепестков...

– Ни шагу дальше! – говорит Эйрис. – Смотри! – и показывает на тоненькие, белесые усики паутиной толщины.

– Смотри!

Подхватив клинком жирного слизня, она швыряет его на белесые паутинки.

Несмех невольно отшатывается: поверхность слежавшейся листвы вскипает. Черное толстое щупальце с множеством извивающихся отростков подбрасывает слизня вверх, ловит, оплетая змеями побегов, и несет к светящемуся цветку. А в центре зеленой чаши уже появляется щель – быстро расширяющаяся щель с розовой пульсирующей мякотью.

Щупальце опускает облитого желтой пеной слизня на эту мякоть, и нежно-зеленые лепестки один за другим смыкаются, накрывая добычу. А щупальце возвращается обратно и зарывается в листву. Да так ловко, что минуту спустя только белесые паутинки-усики выдают его присутствие.

– Королева Грез! – восторженно произносит Эйрис.

– Это? – Несмех имеет в виду зеленый цветок, но клинок Эйрис указывает вперед, туда, где за темным древесным стволом медленно разгорается настоящее чудо!

Королева огромна! И сияние у нее не такое, как у меньших цветков, – желтое золото! Свет ее – частица солнца, затерянная в джунглях.

– Идем! – шепчет Эйрис. – Но будь осторожен! Если щупальце схватит тебя...

– Не схватит! – уверенно говорит Несмех. – Я уже чувствую, где они!

Действительно, он чувствует и хищные щупальца, и мощные, бурлящие соками стебли, соединяющие зеленые цветы с их прародительницей, Королевой.

Несмех уверенно движется к ней, и на сей раз Эйрис следует за ним, проходя на расстоянии вытянутой руки от зеленого цветка, Несмех не может удержаться и прикасается рукой к сияющему лепестку.

Великолепная чаша вздрагивает, приоткрывается розовая щель. Но щупальца неподвижны.

– Идем же! – торопит Эйрис.

И вот они – пред Королевой Грез. Могучий стебель-ствол в два обхвата поднимает Цветок выше человеческого роста. Золотые лепестки, обвисшие книзу, так широки, что четверо людей улеглись бы на каждом, не теснясь. Несмех видит – сияние, которое испускает Цветок, состоит из тысяч блуждающих огоньков, словно бы плавающих на поверхности огромного, как крыло дракона, лепестка. Сияние и чудеснейший аромат так пленительны, что юноша замирает, забыв обо всем...

Шорох ткани выводит его из оцепенения.

Верхний костюм из паутины уже лежит у ног Эйрис. Рядом – лук и меч. Девушка распускает завязки шелковой рубашки. Кажется, руки Эйрис движутся сами по себе. Взгляд ее обращен вверх, к Цветку. Руки, еще более смуглые в сиянии Королевы, освобождают собранную на затылке косу, и, пока пальцы расплетают ее, бедра несколькими круговыми движениями роняют вниз панталоны из серого дымчатого шелка. Эйрис поочередно поднимает ступни, и скользкая ткань опадает на траву. И одновременно волной рассыпаются по узкой спине пушистые светлые волосы. Загибающиеся кончики их касаются круглых ягодиц, более светлых, чем стройные, напряженные ноги. Эйрис приподнимается на носки и подносит губы к краю золотого лепестка. Веки ее сомкнуты.

Несмех напрягается и делает шаг вперед: он в замешательстве. Видеть обнаженное тело девушки здесь, под сенью Гибельного леса, рядом с растением-хищником, ему невыносимо...

Эйрис, услышав, оборачивается с обычной стремительностью. Зеленые глаза Несмеха встречаются с ее глазами, черными от расширившихся зрачков, обрамленных узкой голубой полоской радужки... И к Несмеху нисходит Понимание...

Он сбрасывает одежду, освобождается от нее с такой поспешностью, словно тонкий шелк жжет кожу. Он весь дрожит, и он видит: такая же дрожь сотрясает тело Эйрис.

Девушка поднимает руку, наклоняет солнечный лепесток. Легко, грациозно, так, будто тело ее невесомо, Эйрис вспрыгивает наверх и распрямляется, балансируя на опустившемся лепестке. Огоньки на поверхности шаткой опоры становятся еще ярче, озаряя снизу блуждающим светом замершую с раскинутыми руками девушку. Распушенные волосы Эйрис, будто поднятые ветром, окутывают мерцающим золотым облаком ее голову и плечи. Кожа кажется перламутровой в золотом сиянии Королевы.

Несмех глядит на Эйрис снизу, и она представляется ему фьэль. Фьэль в Волшебном Лесу.

Девушка слегка выгибается назад, и взгляд Несмеха падает на золотистый треугольник внизу втянутого живота.

«Нет, не фьэль! – думает он. – Прекрасней!»

И в следующее мгновение Несмех, сам не осознав как, тоже оказывается на раскачивающемся лепестке. Он чувствует подошвами гладкую, как шелк, упругую поверхность. Теплую, как человеческая кожа. Он протягивает руки, но Эйрис со смехом поворачивается и бежит по сияющему лепестку. Несмех видит, как темная щель разрезает огромную, в два десятка локтей шириной, сияющую чашу. Видит, как щель эта стремительно расширяется, обнажая волнующуюся багровую мякоть. Волна ошеломляющего аромата окутывает юношу с осязаемой

плотностью. Он перестает дышать, а Эйрис, оттолкнувшись, взмывает вверх и, подогнув ноги, падает прямо в центр гигантского Цветка. Падает и исчезает в нем.

Несмех вскрикивает. Сбросив с себя оцепенение, он бросается вперед, но огненные лепестки Цветка начинают загибаться, поверхность под его ногами внезапно наклоняется, и, поскользнувшись, юноша падает на спину, переворачивается, катится вниз и ударяет лицом влажную, багрово-блестящую, вздрагивающую плоть Королевы. Плоть эта подается под ним, охватывает голову, Несмех задыхается... И знакомые руки, обняв, вытягивают его из жаркой ловушки. Руки переворачивают его, и юноша видит над собой сияющее лицо Эйрис, а выше – сияющий солнечный купол Королевы Грез.

Губы, розовые, влажные, открывают ровную линию зубов, прикусивших кончик языка. Эйрис наклоняется, опускается грудью на грудь Несмеха (плоть Цветка, мягко и нежно охватывающая его спину, уходит вниз под увеличившейся тяжестью), соединяет полуоткрытый рот с его устами, и в то же мгновение Несмех понимает, чей запах источает Королева Грез – запах Эйрис!

– Эйрис! – выдыхает он, когда после тысячи мгновений губы их размыкаются.

– Не зови меня – Эйрис! – Уста девушки почти прижаты к его уху; шепот оглушителен, как удар грома: – Зови меня – Харрок! Возжигающая Пламя!

Несмех вскрикивает: зубы девушки вдруг вонзаются в его кожу, прокусывают до крови.

– Харрок!

Несмех прижимает ее к себе с силой, от которой хрустят даже ребра дочери Берегового Народа.

– Харрок!

Прижимает, переворачивает, вминает собственной тяжестью в податливую, как вода, поверхность Цветка. Он распластывает ее, замыкает внутри себя и Королевы.

Эйрис пытается освободиться. Она обороняется почти всерьез. Но Несмех намного тяжелее, и плоть Королевы, его союзник, не дает настоящей опоры той, кто внизу.

Зубы Харрок звонко шелкают, но Несмех ловит ртом ее рот, вдавливая голову в теплую мякоть Чаши, накрывает руками ее бедра, приподнимается на коленях...

Девушка замирает. Несмех видит шевелящиеся губы, но не слышит слов. Ему кажется: время опять замедлилось, но нет, сердце Эйрис колотится еще быстрее, чем его собственный сумасшедший пульс. А может, время замедлилось для них двоих, потому следующее движение чувствуется таким тягучим... Несмех не чувствует сопротивления, не осязает почти ничего. Но тело под ним напрягается, мгновенно каменеет, огромные глаза становятся еще больше, и зрачки вновь затопляют синеву. Бедра под ладонями твердеют, сдавливают его. Несмех отталкивает, отодвигает их, продолжает двигаться, медленно, бережно, и тело Эйрис теряет деревянную твердость, становится упругим. Несмех чувствует затопляющую нежность...

– Любимый! – запинаясь, произносит Харрок.

И тут капелька крови касается красной плоти Цветка.

И поверхность Чаши под ними взрывается!

Обхватив друг друга руками, не разделяясь, они взлетают, падают, переворачиваются, перекатываются, подбрасываемые судорожными сокращениями разбушевавшейся Королевы. Ноги Харрок обвивают Несмеха. Их ритм еще быстрее сотрясений Чаши. Дурманящий аромат плещется вокруг. Харрок пронзительно кричит. Несмех кричит вместе с ней. Он сдерживает себя из последних сил, чудовищным напряжением воли, самым этим криком.

Но Харрок сдавливает его с еще более неистовой яростной силой и...

Буря Королевы обрывается так же внезапно, как началась.

Зарождающаяся Жизнь толчками вливается внутрь тела Эйрис. Но тела у нее больше нет. Так же, как и у Несмеха. Души их замирают, как замирает все вокруг Королевы Грез. Замирает

потому, что внутри нее, заполняя собой весь солнечный шатер, изливаясь наружу, проникая в каждую частицу Жизни, на сотни шагов вокруг звучит ПЕСНЬ ФЬЁЛЬНОВ.

ЮГ. ГИБЕЛЬНЫЙ ЛЕС. ГОД ТЫСЯЧА ОДИННАДЦАТЫЙ.

Несмех возвращался.

Почти двадцать лет миновало с тех пор, как, повинувшись воле Натро, а вернее – более высокой воле, привезли его на спине краурха к восточной границе Гибельного Леса. А с ним – недавно рожденного сына. Только его и младенца, чья мать оставалась здесь, в Вечном Лоне, в Городе-на-Берегу. Так было решено. Эйрис останется, а отец с сыном – уйдут. Так надо, сказал Натро. Спрашивать – не принято. Все, что необходимо, было сказано. Утешением Эйрис и Тилоду-Несмеху было пророчество Слушающего: они встретятся. А сына Эйрис-Харрок увидит уже взрослым. Так надо. И умерили их боль разлуки. Умерили магией. И магией же была взята у конгая бо€льшая часть обретенной им силы. Большая, но не вся; а главное, осталось ему чудесное искусство, дарующее Слышавшему Пение власть над прекрасным. Всё, к чему с сердцем прикладывал он руку, становилось тенью Чудесного. И память оставили Тилоду. Потому сейчас, в преддверии возвращения, трепетало его сердце. Жестоко было отнять у него данное на столь долгое время. Жестоко было отнять у них с Эйрис эти долгие годы. Но те, кто дают, владеют правом отнять. Потому что редко бывает так: смертный управляет своей судьбой. Чаще – Судьба управляет смертным.

Крепко связанный плот неторопливо нес Тилода-Несмеха по Зеленой Реке. Человек смотрел в мутную воду. Быстрые тени скользили под ее поверхностью. Иногда мелкая рыбешка стрелкой выбрасывалась из воды, спасаясь от хищника. Несмех смотрел в реку. А на него сверху смотрели хищные пятнистые урги Гибельного Леса. Летающие твари кружились над ним, но напасть не решались. Инстинкт подсказывал им, что от человека лучше держаться подальше.

Почти месяц прошел с тех пор, как бежал Тилод из лагеря ссыльных, от берега другой реки, тоже впадающей в море Зур. Десяти дней хватило бы судну, чтоб, отойдя от лагерного причала, спуститься вниз, проплыть вдоль изрезанного бухтами побережья, подняться вверх по Зеленой, известной среди обитателей Юга как Проклятая, – и достичь Города-на-Берегу.

Несмех не плыл на корабле. Он был беглец. Но добрался до цели немногим медленнее.

Тилод Зодчий из Фаранга улыбнулся. Он с удовольствием подумал о том, как удивил своих тюремщиков. Да, те, кто решил сослать Черного Охотника (Хотя откуда они знали?) в страшные джунгли Юга, здорово просчитались. И он заставит их пожалеть о содеянном. Нынешний Тилод Зодчий – это не тот двадцатипятилетний парень, которого можно вот так запросто умыкнуть – и никто не вспомнит. Нынешнего Тилода – вспомнят! Достаточно одного лишь Начальника Фарангской Гавани Шинона, Шинона Отважного, чтобы у тех, кто затеял эту игру, затряслись поджилки, когда похищенный Зодчий объявится в Фаранге. Потому что Тилод точно знал: схватили его отнюдь не по распоряжению Великого Ангана. Или Исполняющих Волю (уж Шинон бы об этом знал). И даже не по приказу Блюстителя помыслов Дага. Даг – отъявленный негодяй, но и он не станет ссылать на Юг того, кому намеревался поручить строительство (со скидкой, разумеется) нового дома.

Придя в себя в трюме плывущего на юг корабля, Тилод Зодчий не спеша обдумал происходящее (он никогда не спешил прежде, чем принять решение) и понял, что кто-то попросту решил от него избавиться. Тех, кого ссылают по повелению Великого Ангана, не оглушают втихомолку пылью дурманного гриба. Тилод понял, но действовать не спешил. Торопиться ему некуда. Раз он не сослан официально, значит там, в Фаранге, его права не затронуты, имущество не конфисковано, и сыну ничего не угрожает. Санги – достаточно взрослый парень, чтобы о себе позаботиться. Тилод совсем успокоился, когда узнал от других (настоящих) ссыльных,

что они плывут на Юг. Разумеется, он не разделял их панического страха перед Гибельным лесом. Более того, он даже обрадовался. Восемнадцать лет назад ему было сказано: ты не должен возвращаться по своей воле. Когда наступит срок, Судьба сама приведет тебя обратно. Значит, пришел срок. Тилод был спокоен. Судьба вновь ведет его в Вечное Лоно. Сейчас он должен просто ждать. И действовать, когда наступит время действовать. И время пришло.

* * *

Лагерь ссыльных, тот, в который доставили Тилода, был совсем не похож на вольное поселение двухвековой давности, куда привезли третьего сына Асхенны Ролфа. Больше не было маленьких «крепостей», в которых ссыльные как могли боролись за свою жизнь. Теперь обширное пространство на берегу реки, очищенное от леса, напоминало небольшой город. К причалам речного порта трижды в месяц, а иногда и чаще подходили купеческие суда. И отходили – доверху груженные добытым ссыльными: древесиной, мехами, кожами, снадобьями и пряностями, семенами и целыми деревьями, которые задорого покупали для своих парков соххогтои: лишь здесь, в южном Конге, растения-хищники столь разнообразны и кровожадны.

Ссыльных стерегли опытные воины. Немалые деньги платили здешним стражникам. За два столетия не раз пытались сосланные на Юг поднять восстание. В первое столетие бывало – успешно. Благодаря помощи, приходившей ниоткуда. Но в последнее время лишь отдельные смельчаки да небольшие группы решались на побег.

Для тех, кто работал в Лесу, бежать было несложно: охрана больше смотрела по сторонам, чем на подопечных, а огромные вышколенные псы были приучены следить, чтоб на самих воинов не напал какой-нибудь зверь или обезумевший ссыльный. Бежать легко. Но никто никогда не решался бежать в сторону Леса. Старались украсть или захватить лодку, чтобы по реке спуститься к морю. Но на побережье тоже была стража. Куда более бдительная. И все же у беглецов оставалась надежда: человек может обмануть человека. Гибельный Лес обмануть невозможно. В нем – только смерть.

Тилод ушел в Гибельный лес. Впервые. И одолел две мили прежде, чем отсутствие его было замечено и собаки-сыскари помчались по следу. Может быть, они и догнали бы Несмеха, но змея-шипоглавка напала на одного из псов. Ценное животное околело меньше чем за минуту. Погоня была прекращена. Обученные собаки дороже беглеца. Пусть его ловит Гибельный Лес.

На это и рассчитывал Тилод Зодчий. Нет, уже не Тилод. Здесь, в Гибельном лесу он был уже не Тилодом – Несмехом. Черным Охотником Вечного Лона. Чутьем Несмех выбрал направление и бежал ровной охотничьей побегой, сменяя одну тропу на другую. И сумрачные своды Вечного Лона пели над ним Песню Жизни. Сейчас не охотником был Несмех. Но пока еще и не жертвой. Одежда на нем была такая, как подобает. Иначе разве могли бы ссыльные работать в Гибельном Лесу? Конечно, до костюма Черных Охотников далеко, но стрела и шипы ему не угрожали. Нужно лишь успеть засветло пробежать десять миль, расстояние, отделявшее берег реки от края Великой Топи. Топь – не Лес. Там много безопасней. Хотя к Несмеху и вернулось его чутье, едва он оказался в Лесу, но ночью Вечное Лоно наверняка взяло бы его жизнь.

Надежда придавала силы конгаю. И еще он нашел меч. Старый, заржавленный, но вполне пригодный для боя. На половину клинка врос он в древесный ствол, и синие хлопья мха свисали с рукояти. Несмеху потребовалось полчаса, чтобы освободить оружие.

Ему повезло вдвойне. Он нашел меч уже у самой границы Топи, где густая трава срослась в сплошной зеленый ковер, чавкающий под ногами. Найди Несмех оружие раньше – бег его замедлился бы и он не смог бы вовремя достичь границы Топи. А меч – дар Судьбы. Оставлять его нельзя.

Несмех успел. Когда солнце скрылось за кромкой гор, он уже лежал на плавучем островке посреди зеленой душистой протоки, и сырое мясо пойманной лягушки наполняло его желудок. Не лучшая пища, но достаточная, чтобы остаться в живых. Здесь безопасно. У Великой Топи свои чудища, но большинству из них Несмех не интересен.

Двадцать шесть дней плыл он на крохотном, шесть шагов в ширину и восемь – в длину, плавучем островке. Пищей Несмеху служили лягушки, грибы и редкие в болоте съедобные плоды. Путь его был извилист, как полет медовницы над цветочной поляной. Часто не вперед, а назад вели тинистые протоки. Каждое утро смывал он затхлой водой с кожи нежную зеленую плесень. В конце первого десятидневья чуть не умер от неведомой болезни. Но – справился. И, как дар, вернулось к нему утраченное чувство потока, влажной стихии Воды. Великая Топь покорила его, хотя пути ее не стали намного прямей. Может быть, и нужны были эти двадцать шесть дней, чтобы освободить окончательно Охотника Несмеха от Зодчего Тилода. И тот, кто плыл сейчас по Зеленой Реке, был совсем не тем, кого схватили фарангские стражники, одурманив пыльцой сонного гриба. С этим им было бы не совладать!

Неспешно течет Зеленая Река, называемая глупцами Проклятой. Ненамного быстрее сонной ленивой Фуа. Неподвижно сидит Несмех на связанных лианами полых стволах розового болотного тростника. Сидит, смотрит в подвижную воду. Ненужное, лежит рядом весло. Власть над водой – снова с ним, и несет его Зеленая вниз, не приближая ни к одному из берегов. И огибают плот быстрые светлые смертоносные тени. Несет его Зеленая туда, где изгибается ее широкое русло, отекая невысокую гору из мягкого камня. Там ждет его Город-на-Берегу, тот самый, из-за которого называют на Побережье Черных Охотников Лона Береговым Народом.

Несмех возвращался туда, где ждала (знал, что она ждет) его жена. Эйрис. Он был спокоен, потому что знал: вскоре они встретятся и больше не разлучатся. До самой смерти.

И они встретились...

Конец шестой книги.

Книга седьмая БЕЛЫЙ КЛИНОК

I

*«Тень облаков
Раздвинулась внезапно,
И в мир сошла прекрасная Маат,
Богиня Правды.
Сошла и потерялась...»
Линг Зеркало Снов, скадд из Тунга*

Была весна тысяча двенадцатого года по летоисчислению Империи. Года, который позже объявят годом Освободителя.

Забавно, но отец того, кого здесь, на севере Конга, уже не звали иначе как Освободителем, даже представить не мог, кем всего лишь за один год стал его сын. Забавно, но сходя по трапу корабля на раскаленный пирс фарангского порта, он был абсолютно уверен, что дома встретит своего Санти. Такого же, каким тот был год назад. Ну, быть может, чуть-чуть повзрослевшего.

«Должно быть, самостоятельность пошла ему на пользу», – думал Тилод Зодчий, предвкушая эту встречу и то, как он наконец представит сына той, на кого он так похож...

– Мой Фаранг! – сказал Тилод своей спутнице, с нежностью оглядывая вознесшийся над морем город.

Корабль, полчаса назад вошедший в устье залива, скользил сейчас по сверкающей тысячами зеркал синеве к просторной Фарангской Гавани.

Двухмильная линия порта, разделенная на две неравные части впадающей в залив Фуа, пестрела флагами и цветными парусами. А за ней полого поднимался вверх сам Страж Севера, гордый Фаранг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.